

На грани фантастики

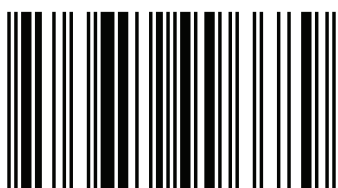
Еще древнегреческий философ Аристотель утверждал, что истинное назначение человека заключается в его разумной деятельности, которая может воплощаться в самых разнообразных формах. Например, в работе, которая, по меткому замечанию французского философа-просветителя Вольтера, избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока и нужды. Один из творцов немецкой классической философии Георг Гегель в свое время прозорливо заметил: что человек делает, таков он и есть. И как тут не вспомнить великого австрийского композитора Вольфганга Моцарта, считавшего именно работу своим первым наслаждением. Основоположник эстетики декаданса и символизма, поэт Шарль Бодлер имел на этот счет иное мнение, утверждая, что самая тяжелая работа - та, которую мы решаемся начать, ибо она становится кошмаром. Еще более радикально на этот счет высказался английский писатель Олдос Хаксли, заметивший, что работа ничем, в сущности, не отличается от алкоголя и преследует ту же цель: отвлечься, забыться, а главное, спрятаться от самого себя. Свою трактовку некоторых граней производственной деятельности - не всегда серьезную - дают и персонажи данного сборника ироничных заметок. Насколько они правы - судить читателям.

Более сорока пяти лет, отданные журналистике в студенческой ("Советский инженер"), заводской ("Трактор"), городской ("Вечерний Минск"), отраслевой ("Союз предпринимателей"), центральной ("Звезда") белорусской прессе, подарили автору много встреч с разными людьми, впечатления от которых легли в основу этих ироничных строк с производственным уклоном.

На грани фантастики

Борис Залесский

978-3-659-99668-9

YAM publishing

Борис Залесский

На грани фантастики

Ирония с производственным уклоном

Борис Залесский
На грани фантастики

Борис Залесский

На грани фантастики

Ирония с производственным уклоном

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-3-659-99668-9

Copyright © Борис Залесский

Copyright © 2017 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

All rights reserved. Beau-Bassin 2017

Оглавление

Обманул	3
Загадка	5
Подарок шефу	6
Как сократили репку	8
Весомый аргумент	10
Цена мгновения	12
Рационализаторское предложение	14
Ох, уж эти строители!	16
Эксперимент	18
Экономия	20
Телепатия	22
Шляпка	24
Засыхают	26
Жалоба	28
Шахматы	31
Гост	34
Интервью	38
Как я что-то изобрел	41
Диспут	44
Вопрос	46
На грани фантастики	49
Кирпич	54
Кошмары	58
Мероприятия по атмосфере	63
Как я опоздал	66
Автоматизация	69
Решение	72
Нам реклама не нужна	74

У нас дисциплиной строго	77
Экскурсия.....	80
Раствор для рыб.....	83
Рационализация	87
Помощник	90
Профессионал.....	93
Талант	96
Комиссия	101
Микрофон	104
Авария	107
Несостоявшийся выговор.....	110
Как я прогуливал.....	113
Пусковой комплекс	115
Робототехника	118
Конкурс	121
Премия за новую технику	125
Рейд.....	128
Прогулка.....	132
Лаборатория.....	136
Дырка в стене.....	140
Пожар	142
Ремонт	146
Действующая модель.....	149
Чудо технической мысли	153
Специалист	157

Обманул

Он осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату. В комнате было тихо.

«Никого, – злорадно улыбнулся он и бесшумно проскользнул к столам. – Это здесь. Вот этот стол».

Воровато оглядываясь, он достал из стола небольшую папку и начал лихорадочно листать. Затем вытащил лист чистой бумаги и стал писать, нервно поглядывая на часы и на дверь.

Через несколько минут он услышал негромкие шаги в коридоре. Капельки холодного пота, выступившие у него на висках, подтвердили нежелательность встречи для него с кем-нибудь в данном помещении. Трясущимися руками он вытер пот и с ужасом заметил, что дверь медленно открывается.

– Здравствуйте, Иван Николаевич, – сказал он, увидев вошедшего, и попытался улыбнуться. Улыбка вышла мученической, как стихотворение начинающего поэта.

– Что это вы, Ершов, здесь делаете один? – подозрительно посмотрел на него начальник.

– Да, понимаете, какая история. Вышел я за покупками в ЦУМ, и денег вдруг не хватило. Пришлось вернуться, – неожиданно для себя он совершенно не почувствовал угрызений совести за столь неприкрытую ложь.

– Бывает, – понимающе ответил Иван Николаевич и посмотрел на часы. – Не забудьте, Ершов, через два с половиною часа – обеденный перерыв.

– Да, да, я помню, – ответил он, наблюдая, как медленно закрывается за начальником отдела злополучная дверь.

«Обманул, – радостно пронеслось у него в голове. – Теперь уж никто не помешает закончить квартальный отчет».

Он посмотрел на часы и с облегчением вздохнул:

– Теперь можно спокойно работать целых два с половиною часа.
И с жаром принялся за работу.

1978 г.

Загадка

Лепестков откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел в окно. «Кто же это мог сделать? Кто? Безусловно, только чрезвычайно находчивый и талантливый человек с раскованным воображением. Человек глубокого ума. И, главное, творчески думающий».

Лепестков поднялся и прошелся по своему рабочему кабинету.

«Однако насколько все грамотно и тонко сделано. Ни одной промашки, ни одной неточности. Работа самого высокого класса. Пожалуй, даже я не смог бы так. И это несмотря на мой многолетний опыт».

После этой мысли Лепестков почувствовал даже некоторое уважение к этому неизвестному человеку.

«Но все-таки: кто он? Кто?»

Лепестков подошел к своему столу и вытащил из него с десяток фотографий. Затем аккуратно разложил их и стал пристально рассматривать.

«Котелков? Нет, он слишком глуп... Кошкин? Слишком стар... Ершов? Слишком умен и академичен, даже консервативен... Мымриков? Четверо детей... Кандыбайло? Ходит на мексиканские фильмы... Петраков? Пьет “Вермут“... Иванушкин? Пишет стихи... Поливинилов? Та-а-ак! А что? Этот мог бы. Молодой специалист. У нас без году неделя. Темная лошадка. Кто его знает, чему их там в институте учат?»

И Лепестков снова уставился на разгаданный воскресный кроссворд. «Это же надо догадаться: секреторная жидкость – молоко. Гениально!»

В изумлении он развел руками.

Рабочий день приближался к обеду.

1978 г.

Подарок шефу

– Чуть не забыла, – сказала Лидочка, наша машинистка, собирая со столов материалы на машинку. – Завтра у Ивана Николаевича день рождения. Так что готовьте подарки...

Иван Николаевич – это наш шеф. Нельзя сказать, что Лидочкино заявление явилось для нас какой-то трагической вестью, но и радоваться особенно было нечего.

– Это который же годок ему стукнул, – прикинул на счетах Котелков. – Пять лет назад ему было пятьдесят... Летят годы... Вот и старость подкралась. За планами, за сводками...

– К старости человек особенно реагирует на подарки, – глубокомысленно заметил Кошкин. – Во всем ищет какой-то скрытый смысл, намеки.

– Да-а, вот и попробуй тут выкрутиться с подарком, – подумал вслух Ершов.

– Подарок должен быть не просто вещью, но и олицетворением какой-то мысли или пожелания, – заметил я.

– В таком случае лучше всего купить лампу дневного накаливания, – сказал Кошкин. – С намеком на луч света в нашем темном царстве.

– Боюсь, не поймет, – ответил Ершов. – В прошлом квартале, помнишь, недодали план по осветительным приборам. Как бы не вышло обратной реакции.

– Да, да, я совсем забыл, – спохватился Кошкин.

– Подарок должен пробуждать положительные эмоции, а не душить их в зародыше, – сказал я. – Надо думать не только о материальной, но и о моральной стороне вопроса.

После этих правильных слов мы глубоко задумались.

– Товарищи, кажется, эврика! – как и все великое, мысль Кошкина была простой. – Давайте сделаем шефу такой подарок, которого он от нас меньше всего ожидает. Так сказать, сюрприз.

– А что? – отозвался Ершов. – Пожалуй, это даже интересно... Стоит раскинуть мозгами...

Утром следующего дня Лидочка заглянула в наш кабинет и спросила:

– Ну, как? Готовы?

Мы сдержанно кивнули головами.

– Тогда заходите по одному... Шеф освободился...

Я зашел последним.

– Что скажешь, Поливинилов?

– Хотелось бы от всего сердца поздравить вас, Иван Николаевич, и преподнести этот скромный подарок, – я открыл папку для бумаг и достал сетевой график. – Вот. Специально к празднику. Всю ночь работал. График треста на следующий квартал.

– Это который ты мне должен был сдать еще в прошлый вторник?

– Точно так, – ответил я и улыбнулся.

– Вот уж не ожидал, – искренне ответил шеф. – Молодцы, ребята. И ты, Поливинилов, молодец. Говоришь, целую ночь работал? Остальные, видимо, тоже.

И он похлопал по подаркам-папкам сотрудников нашего отдела...

– Мы же почти план догнали. Хороший подарок!

– Такой уж день сегодня, – покачал я головой и добавил. – Раз в году бывает.

1978 г.

Как сократили репку

Беда, как известно, приходит неожиданно-негаданно. Так вот случилось и с этим трудовым коллективом. Работа была у них хорошая, хотя и физическая. А именно: тянули репку. И дедка, и бабка, и внучка, и четвероногие друзья. Хороший, творческий, ладно сбитый коллектив. И все-таки тянут-потянут – вытянуть не могут.

Заволновалось руководство цеха. Как же так: им штаты раздуваешь – и кошку, и мышку в прорыв бросили. Сколько можно страдать из-за неправильной организации труда целому цеху. Пошла резолюция в бригаду: «Перестроить технологию производства и для стимулирования творческого подхода к проблеме занятости сократить штат на одну единицу».

Трудно было читать эти строки и знатному бригадиру, заслуженному наставнику молодежи дедке, и целеустремленной профсоюзной активистке бабке, и молодому специалисту, уже познавшему радость совместного труда, внучке. О четвероногих и говорить не приходится. Сникли они как-то. Хорошая работа была у них. До обеда разок потянут и после оного – парочку. А репка, знай себе, сидит, как вкопанная. Тянут-потянут – и на бочок. Репка сидит, работа стоит, а в тарифную сетку “золотые рыбки” сами плывут.

Надо ли говорить, как расстроила всех эта директива руководства цеха. Шутка сказать – сократить единицу, когда вместе проработали не один год.

– Что же делать? – произнес дедка и тяжело задумался. – Каждый из вас мне по-своему дорог, каждый вкладывал всю свою энергию, волю, характер в любимое дело. Сократить одного – это значит отрубить самому себе палец на руке...

Долго думал дедка. Наконец, сказал:

– Есть выход. Сократим репку. Все равно от нее нет никакого толку.

На том и порешили. И всем от этого стало только хорошо. Цеху – тем, что, несмотря на сокращение штатов, производственные показатели остались на прежнем уровне. Бригаде – вообще отпала забота тянуть репку.

Говорят, с тех пор живут они мирно и дружно. Каждый делает свое дело, отвечает за порученный участок работы. И руководство цеха, и бригада.

1979 г.

Весомый аргумент

– Говорю вам совершенно серьезно: на “Спартак” сегодня уже никто не ставит, – сказал Кошкин и с вызовом посмотрел на нас с Ершовым.

– А ты знаешь, во что тебе может обойтись подобная реплика, – с трудом сдерживая себя, ответил ему Ершов. Когда-то он занимался в детской спортивной школе “Спартака” и сейчас очень дорожил этим. Я болел за “Динамо”, поэтому совершенно спокойно пропустил выпад Кошкина мимо ушей.

– Мне не интересно – во что это может обойтись. Но то, что я сказал, точно. “Спартак” сегодня не потянет и на вторую лигу, – сказал Кошкин и нагло улыбнулся.

Я испугался за Ершова, поэтому быстро вскочил из-за стола и стал между ними. По глазам Ершова я понял, что взрыв назрел.

– Успокойся, – сказал я ему. – Ты же знаешь: Кошкин ничего не смыслит в спорте. Зачем же тогда так волноваться?

– Отойди, – процедил сквозь зубы Ершов, крепко обхватив руками массивный чернильный прибор. – Отойди, ты мне мешаешь. Из-за тебя я могу промахнуться.

За моей спиной раздался иронический смех Кошкина:

– Ты бы лучше думал о том, как помочь любимой команде, чем целиться неодушевленными предметами в своих сослуживцев.

Ершов как-то сник и поставил чернильный прибор. Затем виновато посмотрел на меня и сказал:

– Я его все равно убью. Сегодня после работы.

– Только в мое отсутствие, – ответил я ему и вновь сел за свой стол.

– Я часто думаю, что болельщики “Спартака” – это очень недалекие люди. Они болеют за команду, которая живет своим

знаменитым прошлым, но не настоящим, – почти крикнул Кошкин и с видом победителя откинулся на спинку стула.

Я посмотрел на Ершова. Он опустил голову и сжал кулаки. Затем энергично встал и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Минут пять мы молчали. Затем Кошкин зевнул и сладко потянулся.

– Сколько еще до обеда, Поливинилов? – спросил он меня.

– Минут тридцать, – ответил я, погруженный в свои мысли.

– Да-а, еще долго, – задумчиво сказал Кошкин и через минуту добавил. – А знаешь, что, Поливинилов? ... Скажу тебе серьезно, на “Динамо” сегодня тоже никто не ставит.

Я оторвался от своих мыслей и посмотрел на Кошкина:

– Ты серьезно?

– С полной ответственностью.

Я встал и направился к двери нашего шефа.

– Ты куда? – спросил меня удивленный Кошкин.

– К шефу. Он тоже болеет за “Динамо”.

– Не надо, – сказал Кошкин, и улыбка медленно сползла с его лица. – Я не знал. Я пошутил.

Я взялся за ручку двери.

– Честное слово. Я больше не буду, – едва ли не плача, сказал Кошкин и приложил руку к сердцу...

Спортивная тема была исчерпана.

1979 г.

Цена мгновения

С Катапультовым мы столкнулись совершенно неожиданно на автобусной остановке. У него был чрезвычайно озабоченный, деловой вид. Как, впрочем, и у меня.

– Как поживаешь? – спросил я озабоченным голосом, как и положено старому-старому товарищу, бывшему однокласснику.

– Тянем свою ношу, – спокойно отвечает мне Катапультов. – Вертимся в круговороте людей, событий, фактов. А у тебя как? Как работа, коллектив? Сколько жалованья кладут?

– Скажу тебе честно, трудная у меня работа, – говорю я, многозначительно кивая головой и поглядывая на часы. – Что называется – ответственная. Каждое слово – на вес золота. Сам, наверно, знаешь, как нам, руководящим работникам, приходится.

– Знаю, – глухо отвечает Катапультов и в согласии тоже кивает головой. – Сам в таком же положении. Столько дел, столько дел, хоть «караул!» кричи.

– Вот-вот, прямо некогда за собственное самообразование взяться или как-то устроить свободное время. Собственно, даже проблемы нет такой. Просто нет такого времени.

– Тяжело, – задумчиво и с некоторой усталостью в голосе говорит Катапультов. – Век такой. Скорости возрастают. Подчас все решают секунды.

– Дорога нынче цена мгновения, – замечаю я. – А ведь дальше – больше. Мир развивается, совершенствуется.

– Точно, старик, – соглашается со мной Катапультов и дружески предлагает. – А что? Может пойдем – за встречу. По худенькой. Здесь, кстати, рюмочная недалеко.

Хороший человек – Катапультов. Я бы сказал, душевный. Умеет прикоснуться к самым нежным струнам в душе своих друзей.

– Пойдем, – говорю я и снова смотрю на часы. До обеда еще целых полтора часа. Так что времени, думаю, хватит.

1979 г.

Рационализаторское предложение

Утром я пришел на работу слегка возбужденным.

– Коллеги, можете делать со мной все, что угодно, но такого я еще не видел, – сказал я и обвел всех загадочным взглядом. – Я понял, что мир воистину неисчерпаем. И все благодаря ему – Рубенсу.

Котелков покачал головой и спросил:

– Ты это серьезно?

– Можете сами в этом убедиться, – говорю и достаю из кармана небольшой бумажный пакетик.

– Что это? – подозрительно глядя на меня, спросил Кошкин.

– Рубенс, – отвечаю.

– Не понял, – сказал умный Ершов и даже встал из-за своего рабочего стола.

– Что тут не понимать? Все просто. Пошел вчера я на выставку в наш музей изобразительного искусства. Хожу, смотрю, можно сказать, люблюсь. Особенно мне понравилась одна картина, где женщина изображена, мягко говоря, не очень одетая. Захотелось мне разобраться, где это в наше время можно такую натуру найти. Наклоняюсь к подписи – мамочки мои! – это же пять веков назад нарисовано... Чувствуете? – говорю и вопросительно смотрю на всех.

– Да хоть бы и десять, нам-то какая с того польза? – отвечает Кошкин и собирается снова уткнуться в свой чертеж.

– А вот такая польза. Присмотрелся я к этим краскам. Пять веков, а все равно что только вчера в магазине куплены. Тут уж я не выдержал. Соскоблил с уголка холста немного этой самой лакокрасочной продукции, – говорю и разворачиваю перед всеми бумажный пакетик. – Я ведь думаю, что на этом деле можно хорошее рационализаторское предложение сделать, если установить состав краски. Это же отделочные работы на объектах наш трест мог бы раз в

сто лет делать. Я здесь даже экономию прибростил – миллионы рублей. А качество отделки? Мы же ее таким образом до мирового уровня доведем.

Ершов не выдержал и подошел ко мне вплотную. Смотрел на меня долго и внимательно, потом сказал:

– В таком случае Рубенса надо включать в соавторы рацпредложения...

– Получается, что надо, – согласился я.

– Тогда возникает вопрос с его ныне живущими родственниками. Как они получат свою долю премии за внедрение этого рационализаторского предложения, если живут за пределами нашей страны? – вклинился в разговор Котелков.

– Надо будет запрос в министерство иностранных дел направить, – подключился к обсуждению злободневного вопроса Кошкин.

– А вы уверены, что наш начальник – товарищ Лепестков – такой запрос подпишет? – своим вопросом умный Ершов опустил нас на грешную землю.

– Да-а, это, пожалуй, самое сложное во внедрении такого рационализаторского предложения, – согласился я и крепко задумался...

1979 г.

Ох, уж эти строители!

– Что-то не верю я в эти стены, – сказал Прохор, обводя недоверчивым взглядом свою новую квартиру. – Так все и блестит. Они думают, нас блеском обманешь. Не спеши, Марья, с баулами. Не всякое золото, что блестит... Сначала посмотрим...

Прохор осторожно прошелся по комнате.

– Ишь, пол как зеркало. Думают, я в него смотреться буду. А если у меня для этого настоящее зеркало есть...

Он подошел к стене и осторожно постучал.

– Прямо как каменная. Думают, нас этим возьмешь. А куда я гвозди для ковров вбивать буду? А?

Он еще с минуту постоял, прислушиваясь.

– Ничего не слышно... Ну, и работнички... Случись пожар – никого ведь не дозовешься. Сама сгоришь, и вещи сгорят... Марья, не спеши с баулами, слышь? Не нравится мне все это...

Прохор заглянул в ванную и открыл горячую воду.

– Вот те раз, не успел вселиться, уже и горячую воду дали. Они думают, меня этим кипятком проймешь. А о том, что у меня в семье есть малые дети, которые ошпариться могут, никто ведь не подумал...

Он прошел на кухню.

– Что за планировка? Что у меня здесь, целая футбольная команда обедать будет, что ли? Смотри, Марья, смотри... Сколько тебе от плиты до холодильника ходить придется – пять метров.

Прохор подошел к окну.

– Это такое окно? ... Они думают, что мало электрического света будет... Одного не пойму, зачем в жилом доме такие окна. Что я на улице не видел? Зеленых насаждений? Они думают, если кругом лес, так это и хорошо? А это еще что такое?

Прохор достал из кухонного стола медную дощечку.

– Что это они здесь написать удумали? Что-о? Государственная комиссия приняла этот жилой дом со Знаком качества? ... За что, спрашивается? ... Ох, уж эти строители... Не спеши, Марья, с баулами... Что-то здесь не так!

1979 г.

Эксперимент

После обеда к нам пришел шеф и сказал:

– Такое дело, ребята. Здесь у нас проводятся социологические исследования. На вашем бюро решено поставить один из самых интересных экспериментов.

– Доигрались, – тихо сказал Котелков и обхватил голову руками. – Теперь влипли.

– Не стони, – также тихо ответил ему Кошкин. – Не так-то легко нас съесть...

– А в чем суть эксперимента? – заинтересованно спросил умный Ершов.

– Сотрудников социологической лаборатории интересует, чем вызвано падение производительности труда у инженерно-технических работников. Вам будет дано задание: на протяжении времени, пока будет ставиться эксперимент, вы должны ничего не делать... Я правильно излагаю, Сергей Трофимович? – шеф повернулся к человеку в очках, с которым пришел.

– Именно так... Я только хочу добавить, что в вашем бюро мы установим скрытые камеры, которые будут фиксировать каждое ваше движение. Тем самым мы получим бесценный научный материал для выработки рекомендаций остальным отделам. Можете не беспокоиться, камеры будут установлены так, что вы их абсолютно не заметите, и они не будут отвлекать ваше внимание от выполнения поставленной задачи. А сейчас вам просто надо выйти из комнаты на тридцать минут.

– Влипли, – сказал в коридоре Котелков, и впервые за долгое время работы лицо его приняло задумчивый вид.

– Что ты беспокоишься? – спросил Кошкин. – Это же просто отличный эксперимент – ничего не делать...

– Нет, – решительно сказал умный Ершов. – В этом, безусловно, что-то есть. Как ты думаешь, Поливинилов?

Я пожал плечами. Трудно привыкнуть к такому шефу, который любит загадывать своим подчиненным разного рода головоломки. То проект производства работ даст разработать, то сетевой график треста. Словно мы здесь для этого сидим. А если и для этого, то это еще ничего не значит. Не нравится, как сидим, мы можем сидеть и в другом месте. Специалисты, они нынче везде нужны...

...Минут сорок мы шарили глазами по комнате.

– Да, умеют работать, – с восхищением сказал Ершов. – Ничего не вижу.

– Влипли, – прошептал Котелков и запечалился.

Еще минут тридцать мы молчали. Первым не выдержал Кошкин.

– Не могу я так, – надрывно крикнул он и виновато посмотрел на нас. – Нельзя человеку без дела. Хоть умри. Нельзя. Ни в шахматы поиграть, ни кроссворд разгадать. Да что же это за жизнь?

– Что бы это делать, чтобы ничего не делать? – медленно проговорил Ершов.

Мы тяжело задумались.

– Эврика! – крикнул повеселевший Кошкин и вытащил из своего стола арифмометр. – От безделья хоть отчет начну.

– Правильно, – сказал умный Ершов и достал папку для бумаг. – Нечего делать, значит нечего. Хоть пару ответов напишу заказчиком. Заждались, поди.

Котелков достал недавно присланный проект новой технологической линии и принялся за проверку экономических показателей. Мне тоже делать было нечего, и я взялся за составление сетевого графика.

1979 г.

Экономия

– Да, товарищи, говорим мы об экономии, пытаемся сами в проектах сберечь, как можно больше материалов, а бревна в своем глазу и не замечаем, – сказал Иван Николаевич Лепестков, наш шеф, зайдя к нам в кабинет и заметив зажженную электрическую лампочку.

– Действительно, проморгали мы как-то своевременно выключить, – быстренько сказал умный Ершов, предварительно прикрыв руками новый детектив.

– Заработались, – жалобно добавил Котелков, дрожащими руками пряча между папок кроссворд.

– Дела, дела, – пробурчали мы с Кошкиным в унисон, задвигая шахматную доску в ящик стола.

– Не надо оправдываться, – строго сказал Лепестков и снова ткнул пальцем в сторону лампочки. – Делу этим не поможешь.

Мы тоже посмотрели на включенный источник света.

– Знаете ли вы, сколько денег вот таким образом летит на ветер, тратится впустую? – Лепестков обвел всех нас внимательным взглядом. – Миллиарды рублей... Представляете, миллиарды. И все из-за того, что кто-то проморгал, кто-то не заметил, кто-то заработался. Не воспитываем мы в себе еще, как следует, чувство хозяина, а это очень плохо.

Лепестков на секунду смолк, затем подошел вплотную к Котелкову.

– Вот вы! Оставляете зажженным свет дома, когда уходите на работу?

– Нет, – ответил Котелков и виновато опустил голову.

– А вы? – Лепестков указал на нас с Кошкиным.

– Тоже нет, – ответили мы в унисон и тоже опустили головы.

– А вы? – Лепестков подошел к Ершову.

– Оставляю, – спокойно, выдержав взгляд шефа, ответил Ершов.
– Потому что жена уходит позже меня.

– Это не меняет сути, – парировал Лепестков и, уже обращаясь ко всем нам, добавил. – Вот видите, как получается. А ведь каждый из вас мог проявить такую ценную инициативу сегодня и здесь, на работе... Да-а, честно говоря, не ожидал от вас такого.

Посмотрев на часы, Лепестков вышел из нашего кабинета. В дверях он обернулся и, снова тыча пальцем в направлении горячей лампочки, сказал:

– Надеюсь, что это в последний раз.

Мы утвердительно кивнули.

Шеф ушел.

– Смотри ты, такая маленькая, а сколько денег жрет, – задумчиво произнес Котелков, глядя на лампочку. Затем встал из-за своего письменного стола, подошел к выключателю, пару раз щелкнул им и снова включил лампочку.

– Миллиарды! – и он направился опять на свое рабочее место.

Но мы его уже не слушали. Дел-то – по горло!

1979 г.

Телепатия

Случилась эта история вчера. После обеда мне позвонила жена и сказала, что задержится в институте. Вот я и предложил тогда Макушкину, своему сослуживцу, пойти сразу после работы на концерт. Билеты ведь у меня остались. Не пропадать же им зря.

Короче, пришли мы с Макушкиным в филармонию, сели на свои места, разговорились. Затем я, окинув взглядом зал, показал Макушкину лысоватого мужчину, сидевшего рядов через пять впереди нас:

– Видишь этого лысого. Так вот, он сейчас достанет расческу и начнет полировать свой череп.

Макушкин весело улыбнулся и ответил:

– Ну, ты, Поливинилов, остряк. Вечно что-нибудь выдумаешь.

– А ты смотри, смотри.

Действительно, не успел я это сказать, как тот, с лысиной, полез в карман и достал расческу.

У Макушкина отвисла челюсть. Минуты две он молча наблюдал за полировкой, затем снова повернулся ко мне:

– Слушай, как ты узнал?

– Э-эх, это еще что, – вздохнул я, отечески похлопав Макушкина по плечу, и указал на даму, сидевшую ряда через два сразу за нами. – Сейчас начнет жаловаться мужу, что здесь духотища, нечем дышать и что вообще отсюда уже пора уходить.

Макушкин осторожно повернул голову, чтобы посмотреть, но еще раньше мы услышали женский голосок:

– Анатолий, это невозможно. Я просто задыхаюсь от жары...

Удивлению Макушкина, наверное, не было предела. Он разглядывал меня, словно видел впервые.

– Слушай, Поливинилов, ты же телепат. Тебе же в цирке работать.

– Эх, браток, – снова усмехнулся я. – Вот что значит быть знакомыми только по работе. Ничего друг о друге толком не знаем.

– Это точно, – согласился со мной Макушкин. – Но ты, Поливинилов, меня удивил, честное слово. Иметь такую потрясающую способность и никому об этом не говорить.

– А-а, – махнул я рукой. – Ерунда это все, мелочи...

Здесь стал постепенно гаснуть свет. На сцене появился конференсье, но я, наклонившись к Макушкину, еще успел прошептать:

– В середине первого отделения наши соседи справа устроят семейную сцену, не сойдясь в оценке одного из исполнителей. В антракте они встанут и уйдут домой. Впереди сидящая женщина будет то и дело оборачиваться к нам и спрашивать, что сказал конференсье, а мужчина, сидящий позади нас, скоро уснет и начнет тихонько подхрапывать в такт исполнителям, пока его не растолкают, после чего он опять уснет...

Надо ли говорить, что именно так все и произошло. А сегодня Макушкин с самого утра сидит на телефоне и обзванивает всех знакомых. В нашем отделе – не протолкнуться. Пришла новая экскурсия из механических цехов. Кто-то пересказывает мою биографию. А я, глядя на все это, сижу и думаю, как все-таки просто стать знаменитым, стать телепатом. Достаточно сводить товарища по работе на концерт по абонементу, по которому ходишь в филармонию уже добрых полгода.

1979 г.

Шляпка

Шляпка была замечательной. Это Маргарита Васильевна поняла еще вчера в магазине, когда просила завернуть покупку. Но только сегодня утром перед уходом на работу, еще раз оглядев себя в комплексе со шляпкой в зеркале, она почувствовала, какой удар подготовила всему отделу. Вот достойный ответ на туфли Полины Андреевны, кофточку Валентины Николаевны, пальто и зонтик Галины Матвеевны, помаду и пудру Ларисы Викторовны, чулки и юбку Анны Ивановны, сапожки Людмилы Александровны...

С чувством боксера, посылающего соперника в глубокий нокаут, вошла Маргарита Васильевна в помещение отдела.

В отделе было необычно тихо. Тишину нарушал только сухой треск переносных электронно-вычислительных машинок, да легкий скрип перьев.

– Здравствуйте, Маргарита Васильевна! Как хорошо, что вы уже пришли. Мне как раз понадобились объемы накладных расходов, которые вы просчитывали вчера.

Маргарита Васильевна с удивлением посмотрела на своего непосредственного начальника Валентину Николаевну. Нет, ничего не изменилось. Кофточка, как всегда, была на ней.

– Хорошо, одну секундочку, – Маргарита Васильевна сняла пальто, чуть-чуть поправила шляпку и направилась к своему рабочему месту.

– Маргарита Васильевна, вы не помните, куда мы забросили отчет по новой технике и статистические данные к нему? – с озабоченным лицом подошла Анна Ивановна.

– Они у меня, – ответила Маргарита Васильевна и протянула материалы.

Анна Ивановна с упоением перелистала папку, делая отметки на полях. Затем, подняв глаза на Маргариту Васильевну, равнодушно скользнула взглядом по шляпке, задумчиво произнесла:

– Да-а, уроки прошлого квартала должны нас сейчас многому научить... Сколько ошибок все-таки было допущено в планировании... А, что это вы шляпку не снимаете, Маргарита Васильевна? Жарко ведь. А-а, понимаю, понимаю, простудились...

– Да нет, просто забыла, – как-то неестественно – то ли испуганно, то ли от холода – пожала плечами Маргарита Васильевна.
– Столько дел.

– Да, да, – понимающе кивнула головой Анна Ивановна. – Не забудьте, в одиннадцать тридцать летучка у начальника отдела...

Маргарита Васильевна почувствовала, как внутри у нее что-то оборвалось, тихо-тихо защемило сердце, в ушах зазвенело.

...Нажав на кнопку будильника, Маргарита Васильевна потянулась за валидолом. Сердце продолжало бешено колотиться.

– Мамочки, может же такой страх присниться, – проговорила она самой себе и посмотрела на вчера купленную шляпку, лежавшую на столе. – Наяву и представить невозможно что-то подобное...

1979 г.

Засыхают...

Я думал над своим ходом уже минут десять. Нетерпеливо поглядывая то на меня, то на шахматную доску, Кошкин, наконец, не выдержал. Он встал, достал сигареты, закурил. Затем прошелся по рабочему кабинету, подошел к окну и уткнулся в него лбом.

– Ты смотри, что делается, – сказал он, глядя на улицу. – Засыхают... Совсем мы о природе не думаем.

– Ты о чем? – оторвавшись от детектива в «Огоньке», спросил Ершов.

– О чем? ... Да вон, о тополях. Листьев почти не видно. Позасыхали. Дым, копоть кругом... А ведь то же самое будет скоро и с нами, – не отрывая грустного взгляда от деревьев, тихо продолжал Кошкин.

– Ну-у, это ты загнул – скоро, – усмехнулся Ершов. – На наш век воздуха хватит.

– А ты посмотри, сколько понастроили, – не унимался Кошкин.

Я тоже на секунду оторвался от шахмат и посмотрел в окно. Панорама открывалась, действительно, впечатляющая. Несколько труб соседних заводов сейчас, в середине рабочего дня, «трудились» во всю.

– Хоть бы фильтры какие поставили, что ли? Так и дымит все, – Кошкин вдруг взмахнул кулаком, грозя трубам. – У-ух, моя бы воля, я бы с вами живо разобрался!

Тут у нас зазвонил телефон. Не поднимая головы от журнала, трубку снял Ершов:

– Тебя, Кошкин. Опять эти, из стройуправления...

– Ох, и надоели они мне, – сказал Кошкин и нехотя подошел к телефону. – Слушаю... Та-ак! Сколько раз вам повторять, очистные установки в этом проекте не предусмотрены. Этот вопрос мы уже

давно согласовали с заказчиком. Ну? Так что вам еще надо? ...
Природа? Я такого ответственного лица не знаю, а лишнюю работу
делать не собираюсь. И вам не советую!

Он положил трубку и рассмеялся:

– Ну и народец, вечно им что-то подавай... Искать работу
другим – все мастера. Только со мной у них это не пройдет.

Затем он посмотрел на меня.

– Ты еще не ходил, Поливинилов?

Я, углубленный в позицию, отрицательно качнул головой.

– Ну-ну, думай-думай, – сказал Кошкин и снова подошел к окну.

Опять лицо его стало грустным.

– Засыхают, хоть «караул!» кричи, засыхают, – шептал он, глядя
на тополя. – Да разве кто услышит?

Деревья, действительно, засыхали.

1979 г.

Жалоба

– Товарищи, попрошу внимания! – сказал Ершов, активист нашей первичной профсоюзной организации. – В местный комитет поступила жалоба от товарища Котелкова на товарища Кошкина. Суть ее заключается в следующем: Кошкин во время исполнения служебных обязанностей оскорбил Котелкова. Поскольку оба названных товарища работают в нашем отделе, жалоба передана нам месткомом треста для рассмотрения на профсоюзном собрании отдела.

– Да-а, негативный момент, – озабоченно сказал наш начальник Лепестков. – Еще один камень в наш огород на предстоящем профсоюзном собрании треста. Тебя действительно оскорбили, Котелков?

Котелков встревоженно встрепенулся, но ответил гордо:

– Даже не один раз. Я постоянно подвергаюсь нападкам этого человека.

– А тебе что от него надо, Кошкин? – спросил Лепестков, еще раз просматривая жалобу.

– Борьба с мещанством и его представителями – мое жизненное кредо, – спокойно ответил Кошкин, давая интонацией понять мощь своих жизненных принципов.

– Хорошее кредо, – заметил Лепестков и посмотрел на нас с Ершовым. – А ваше мнение каково?

– По-моему, Кошкина пора остановить, – сказал Ершов. – Он слишком...

– А, по-моему, у него хорошее, правильное кредо, – возразил я запальчиво.

– Мне нравится, как вы думаете, Поливинилов, – глубокомысленно высказался Лепестков. – Чувствуются задор, энтузиазм молодого специалиста.

Я мысленно пожал себе руку.

– Меня волнует другое, товарищи, – продолжил я. – Как вы можете проходить мимо такого печального факта. У нас в коллективе выискался кляузник. Можно сказать, вырос на наших глазах.

– Не говорите так, Поливинилов, – попробовал строго оборвать меня Ершов. – Вы же не знаете сути дела.

– Я не знаю сути дела? ... Ну и что? А вы можете себя представить на месте нашего уважаемого Ивана Николаевича Лепесткова, когда на первом же профсоюзном собрании треста ему при всех кинут в лицо эту бумажку.

– У вас великолепная логика, Поливинилов, – сказал Лепестков. – А вот вашей позиции, товарищ Ершов, я немного не понимаю. И это несмотря на то, что вы – старший инженер нашего отдела.

Было заметно, как эти спокойные слова шефа сбили спесь с Ершова.

– Итак, какие будут предложения? – громко объявил Лепестков и обвел всех пристальным взглядом.

– Мое мнение такое, – окончательно осмелев, сказал я и встал. – За непонимание товарищеской устной критики, ее игнорирование объявить товарищу Котелкову выговор и указать на его нехорошую страсть к чуждой всем нам саморекламе в масштабах треста.

– Превосходно сформулировано, – сказал Лепестков и, перегнувшись через стол, пожал мне руку. – Какая афористичность мысли!

– Итак, кто против? – подвел итог шеф.

Руку поднял один Котелков. Но затем, подумав, опустил.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Лепестков, обращаясь к Ершову.

– Итак, рассмотрение жалобы от товарища Котелкова на товарища Кошкина можно считать законченным, – подвел итог тот.

– Все свободны. Обед. Время – деньги, – добавил Лепестков.

И мы, дружно поднявшись из-за стола, вышли из кабинета начальника.

1980 г.

Шахматы

Хвалиться не буду, но скажу прямо – в шахматы я играл прилично. По крайней мере, у нас в отделе равных мне не было. Исключая, разумеется, нашего шефа, с которым по соображениям тактического характера я не торопился садиться за шахматную доску. Вы спросите, почему я говорю о своем увлечении шахматами в прошедшем времени? Да потому, что с недавних пор предпочитаю этой игре древних другие занятия. И вот почему...

Случилось это месяца два назад. Освободилась у нас в отделе должность начальника бюро. Вот тогда-то и пришла мне в голову идея сыграть в шахматы с нашим шефом. А что? Место хорошее, с неплохой заработной платой. Так что цель оправдывала средства.

Конечно, проиграть такому шахматисту, как наш начальник, трудно, но что делать. В жизни иногда надо уступить в малом, чтобы получить в большом. Вот таким образом и оказались мы с Иваном Николаевичем Лепестковым за одним шахматным столиком. В обеденное время, естественно.

– А ведь я о вас, Поливинилов, уже слышал, – сказал с улыбкой шеф, делая первый ход белой королевской пешкой. – Говорят, вы у нас в отделе чемпион. Только медали не хватает.

– Слухи, Иван Николаевич, слухи. Про ваши шахматные способности у нас тоже немало рассказывают, – говорю и наблюдаю, куда первое зернышко упадет.

– Ну, уж так и говорят? – бурчит Лепестков, едва скрывая удовлетворение от моих слов. Чувствую, почва благодатная, должны быть всходы.

От слов перехожу к делу. Серией ходов подставляю по удар «вражеских» фигур сначала слона, затем – коня. Вижу, зернышко начинает прорастать буквально на глазах. С нескрываемым

удовлетворением шеф забирает мои «подарки» и, вытирая носовым платком выступивший на лбу пот, как бы, между прочим, спрашивает:

– Кстати, сколько вы сейчас получаете?

– Оклад старшего инженера, – отвечаю и мысленно жму себе руку.

– Да, вашим способностям необходимо более солидное материальное обеспечение, – говорит Лепестков, забирая очередной «подарок».

До сих пор не понимаю, что меня дернуло в этот момент углубиться в шахматную позицию, возникшую на доске. Проигрывал я к тому времени уже солидно: три фигуры и несколько пешек. Но вдруг вижу – мамочки, да мне позавидовал бы сам Таль! – редкостную по красоте атаку на белого короля, причем самыми малыми силами – конем и пешкой. Здесь меня и понесло.

Увлечшись атакой, я перестал поливать зернышко, которое уже было превратилось в крепкий росток. Самое интересное, что шеф тоже увлекся моей комбинацией. С восхищением следил он, как я минимумом фигур сковал его силы.

Когда до моей победы оставался один-единственный ход, я опомнился. «Все, все насмарку», – понял я. Что меня могло спасти в такой ситуации? Вы, наверное, уже догадались, что я сделал. Конечно, передвинул своего ферзя прямо под удар белого слона.

– Жаль, – забирая мою фигуру, сказал Лепестков, и в его голосе действительно послышались нотки сожаления. – Такая прекрасная комбинация и такой печальный финал.

– Зевнул... Увлекся, – попытался оправдаться я.

– Да-а, не довели дело до конца... Экий вы увлекающийся, – проговорил шеф, уже пристально глядя на меня. – Чувствуется непоследовательность в характере... А мы к вам, честно говоря,

присматривались, метили на новую, более высокую должность. Да, видимо, рановато... Жаль!

Такая история. С тех пор я и остыл к шахматам, хотя разбирался в них когда-то очень прилично.

1980 г.

Тост

Нет, что бы там ни говорили вышестоящие товарищи, а мне наш отдел нравится. Народ у нас подобрался веселый, общительный, крепкий. Даже о начальнике трудно что-то плохое сказать. Ну, посудите сами. В первый апрельский, который оказался рабочим, день он заглянул в наш кабинет – инженеров отдела – и первым предложил:

– Считаю, ребята, что пришла пора сдвигать столы. Иначе, боюсь, за работой и праздник зевнуть можем, – и улыбнулся.

Мы в ответ раскрыли рты, но тут же закрыли. У нас ведь все уже давным-давно готово, остались частности – консервы открыть, стаканы помыть, хлеб нарезать. Так что долго нас ждать не пришлось.

Но самое интересное началось за праздничным столом, когда шеф вынес из своего кабинета две бутылки шампанского и весело потряс ими над головой.

– Во, дает, – тихо удивился Котелков и вопросительно посмотрел на остальных.

– Главное – спокойствие, – ледяным тоном также тихо ответил ему Кошкин и первым вскочил встречать шефа. – Вы, Иван Николаевич, сегодня должны быть нашим добрым волшебником. У вас такие замечательные подарки.

– А что? – засмеялся Лепестков и озорными глазами посмотрел на нас. – Какой день смеха без такого волшебника обойдется? Очень даже могу.

Он откупорил шампанское и стал быстро разливать его по стаканам.

– Первый тост – за добрым волшебником, – выкрикнул Ершов, активист нашей профсоюзной организации, и мы его дружно поддержали.

Лепестков опять заулыбался, обвел всех теплым взглядом.

– Давайте выпьем за то, чтобы после этого дня смеха исполнились все наши мечты, даже самые фантастические и несбыточные.

– Ну-у, так не бывает, – сказал Котелков и опустил стакан.

– Не бывает, значит, будет, – упрямо ответил ему Лепестков. – В конце концов, если не верите мне как начальнику отдела, поверьте волшебнику – он ведь добрый, все может... Вот какое у вас, Котелков, есть конкретное несбыточное желание?

– Можно, сначала я? – запрыгала вдруг Лидочка-машинистка.

– Хорошо, давайте начнем с вас, Лида.

– Знаете, о чем я мечтаю, добрый волшебник? Чтобы наш начальник повысил мне оклад. Немного, рублей на двадцать, – игриво сказала Лидочка, но на Лепесткова посмотрела совершенно серьезно.

– Ничего несбыточного в этом желании нет. Ваш начальник уже давно заметил, как выросла ваша квалификация, – ответил Лепестков тоном, не оставляющим сомнений, что говорится это всерьез. – И, как волшебник, могу обещать, что после дня смеха к вашей зарплате прибавится пятнадцать рублей. Больше, извините, не полагается по штатному расписанию.

– Вот здорово! – закричала Лидочка и залпом осушила шампанское.

– А график отпусков изменить в силе доброго волшебника? – осторожно спросил Котелков. – Чтобы передвинуть меня с ноября на июль?

– Конечно, – ответил Лепестков и достал записную книжку. – Поменяйтесь местами с Поливиниловым. Ему, как молодому специалисту, думаю, нетрудно будет согласиться на это.

Все посмотрели на меня.

– Конечно, конечно, – пожал я плечами и тоже залпом опорожнил стакан.

– Кто следующий? – спросил Лепестков.

– Я, – сказал Кошкин и стыдливо добавил. – Недавно у нас в отделе освободилась должность старшего инженера, дорогой волшебник...

– Да, товарищ Кошкин, я могу вам с полной определенностью сказать, что ваша кандидатура рассматривается начальником отдела как наиболее вероятная для заполнения этой вакансии. Как добрый волшебник могу добавить, что сразу после праздника начальник отдела вызовет вас для собеседования и оформления необходимых бумаг.

– Свершилось! – едва ли не на всю мощь своих легких крикнул Кошкин и обнял рядом стоявшего с ним Ершова.

– Ну, если сегодня день исполнения самых фантастических желаний, то, может быть, и моя мечта не останется без внимания, – сказал Ершов. – Есть у меня, уважаемый добрый волшебник, авторское свидетельство на изобретение, полученное два года назад. Как получил я его, так и положил в долгий ящик. И ни слова с тех пор не услышал от начальника нашего о внедрении. Чем черт не шутит, может, после дня смеха внедрим. Дело ведь выгодное, с хорошим экономическим эффектом...

– Черт такими вещами не шутит. И волшебник тоже, товарищ Ершов, – ответил Лепестков и озабоченно почесал затылок. – Да только и им такое не под силу. Волшебство волшебством, а фонды фондами.

– Жаль, – сморщился Ершов.

– Ничего, – бодро сказал Лепестков. – Исключения только подтверждают правила. Так что будем считать вашу неосуществленную мечту явлением закономерным.

– Бум, – глухо отозвался Ершов.

Тост был исчерпан.

1980 г.

Интервью

– Вы, наверное, из газеты? – спросил Иван Николаевич Лепестков, крупный мужчина с лысиной, взглянув на вошедшего в кабинет молодого человека в очках. Тот согласно кивнул головой.

– Помню, помню, звонили... В таком случае – здравствуйте, – Лепестков поднялся из-за стола и протянул руку для приветствия. – Будем знакомы. Начальник отдела. Присаживайтесь

Затем быстрым движением он достал из своего стола бутылку минеральной и два стакана.

– Так, что вас интересует? – спросил Лепестков, разливая воду по стаканам.

Не ожидая такой стремительности, корреспондент смущенно пожал плечами.

– Хотелось бы познакомиться с вашим опытом работы... Работы с людьми... Как-никак вы на этой должности не один год. И все люди, люди... Есть, наверное, о чем вспомнить? А?

Лепестков осторожно потрогал затылок, измерил корреспондента оценивающим взглядом.

– А вы сами, что думаете по этому поводу?

– Ну-у, – не нашелся сразу корреспондент. – Конечно, люди – не станки. С ними труднее.

Лепестков улыбнулся, заметив замешательство молодого человека.

– Вот видите, сами с людьми работаете, а сформулировать сразу не можете, – он дружески подмигнул корреспонденту. – Хорошо, постараюсь вам рассказать о секретах профессии руководителя.

Лепестков на минуту задумался, затем, хитро прищурившись, сказал:

– Я, знаете ли, в людях личность ценю. Очень ценное качество, скажу я вам.

– Интересно, – воскликнул корреспондент и уткнулся в блокнот, записывая.

– Да-а. И уже, исходя из этого, определяю свой стиль работы... Главное, как вы понимаете, распознать в человеке эту самую личность, не ошибиться. Ошибка в работе с людьми подобна плохой покупке: сделал, а назад уж не вернуть. Расхлебывай сам.

– Оригинальная концепция, – прокомментировал корреспондент. – Вокруг этого можно хорошую статью сварганить.

– Ну, это еще не все. Помимо интуиции, нужны обширные знания. Понимание основных законов психологии, логики, социологии...

Здесь в кабинет неожиданно заглянула секретарша Лепесткова – Лидочка.

– Иван Николаевич, посетитель к вам. Этот, вчерашний.

– ... философии, политэкономии... Одну секундочку, – начальник посмотрел на секретаршу. – Давно мается?

– Уже второй час.

– Ладно, запускай его сюда... Вы уж, извините, – сказал Лепестков мягким голосом, обращаясь к корреспонденту. – Работа такая. Трудно даже часик выгадать для спокойной беседы.

– Что вы, что вы, – быстро ответил молодой человек, захлопывая блокнот. – Я с удовольствием подожду. Мне спешить некуда.

– Ну, и прекрасно, – задумчиво произнес Лепестков. Затем он встал из-за стола, скинул пиджак на спинку стула, засучил рукава рубашки и, набрав в легкие побольше воздуха, задержал дыхание. Лицо его стало постепенно наливаться краской, на щеках проступили кроваво-багровые пятна...

Вошедший был щуплым человечком с несколько деформированным от страха лицом.

– А-а! ... Оять вы, – злорадно улыбнулся Лепестков, медленно с шипением выпуская воздух из себя и также не спеша собирая правую руку в кулак. – Оччень рад видеть!

– Иван Николаевич, но вы даже не хотите меня выслушать, – залепетал, заикаясь, человечек, облизывая пересохшие губы.

– Вы правильно сказали – не хочу! Не хочу! – последние слова Лепестков выкрикнул изо всех сил, перейдя на высочайший фальцет.

– Вы слышите – не хочу!

И он угрожающе двинулся к посетителю.

– Понимаю, – быстро-быстро, наверное, в такт своим мыслям закивал головой человечек и пулей вылетел из кабинета.

– Вот так и работаем, – устало улыбнулся Лепестков, ослабляя галстук.

– Блестяще, – с восхищением сказал корреспондент, едва переводя дыхание. – Неповторимый эффект перевоплощения. У вас – огромный талант артиста.

– Э-э, поработайте с мое, он и у вас объявится, – Лепестков налил себе в стакан минеральной воды. – Так, на чем мы там остановились?

Молодой человек заглянуло в блокнот.

– На политэкономии...

– Можете добавить... Основы сценического мастерства, композиция, режиссура малых драматургических форм...

Лепестков снова сел за свой рабочий стол.

Интервью продолжалось.

1980 г.

Как я что-то изобрел

Трудно сказать, что на меня нашло в тот вечер. То ли макароны в моей тарелке сложились за ужином, словно ременные передачи, то ли хоккеисты бегали по экрану телевизора, будто роликовые подшипники, не знаю, только созрела у меня после всего этого мысль. Я сразу почувствовал, что за нее могут солидно премировать, так как моя идея позволила бы решить очень важную производственную проблему, над которой наш отдел бился уже несколько недель.

Словом, почувствовав неслыханную удачу, я задрожал от волнения. Но надо было срочно посоветоваться с человеком более опытным. Не долго думая, бросился в соседнюю комнату общежития. Там жили двое ребят из нашего отдела – Кошкин и Мымриков.

– А-а, Поливинилов, заходи, – обрадовались они. – В самый раз пришел.

– Закуски у нас хватит, – сказал Мымриков, доставая откуда-то куски колбасы и хлеба.

– Да нет, ребята, я не за этим пришел, – потер я пальцем лоб, вспоминая суть идеи. Затем достал карандаш и на обрывке газеты стал рисовать эскиз. – Представляете, такая идея пришла сейчас в голову! Можно принципиально по-новому сконструировать блок передач...

– Что-о-о? – сморщился Кошкин. – Ты чего, совсем уже спятил, Поливинилов? Тебе говорят, праздник у нас! Мымрикову родственники посылку прислали. Обмыть надо. А ты – бок передач...

– Ничего, Поливинилов, ты только не волнуйся, – сочувственно добавил Мымриков. – Все мы были молодыми специалистами, все прошли через этот синдром. Ты сколько уже работаешь у нас? Полтора года. Еще годик протянешь, и как рукой снимет. По себе знаю. Тоже велосипед изобретал.

– Так ведь здесь не велосипед.

– Ладно. Кончай разговоры, ребята. Берите стаканы, – сказал Кошкин и первым потянулся к столу.

– Нет, все же пойду... Ершову позвоню, – ответил я. – Может, он проконсультирует. Есть одна неувязка у меня. Если бы и ее решить, вот было бы здорово!

– Ну-ну, – покачал головой Кошкин, закусывая луком. – Доводи, Поливинилов, идею свою до конца. Может быть, нам меньше работы останется.

...Ершова я застал дома.

– Идея, говоришь, интересная по блоку передач, – раздался голос в телефонной трубке. – А я вот такой детектив в «Огоньке» надыбал. Три номера прочитал, а убийцу никак не могу вычислить. Лихо закручено.

– Понимаете, принципиально новая схема. Вот только...

– Мне еще посоветовали парочку журналов. Тоже сплошные тайны с убийствами. Читаешь и в догадках теряешься. Вообще, я считаю, что детектив – отличная гимнастика для ума. Ты этим не увлекаешься, Поливинилов?

– Я вот блоком передач увлекся, да заминка небольшая есть. Может, мне к вам приехать, проконсультироваться?

– Что ты, в самом деле? Вечер на дворе. Тебе мало времени заниматься этим на работе?

– Так ведь срочный заказ, сами знаете. К концу недели закончить надо. Вот я и волнуюсь. Люди нас ждать будут, планы свои срывать.

– К концу недели... Дай бог, чтоб мы с этим заказом до конца месяца разделались.

– О чем я и толкую. У меня уже идея сформировалась, можно в два дня уложиться. Просто «эврика»!

– Слушай, старик, ты только сюда Архимеда не впутывай. Он не сидел на тарифной ставке, поэтому мог себе позволить решать производственные задачи в ванной.

– Но ведь время не ждет, товарищ Ершов! – взмолился я.

– Знаешь, все это правильно. Только личное время я на это гробить не стану. Ну, опоздаем мы с заказом на пару недель. Земля от этого не перевернется. Ты лучше позвони Лепесткову. Все-таки он – наш шеф. У него голова должна болеть. С ним и решай.

– Спасибо за совет, – буркнул я и повесил трубку. Однако, постояв несколько минут, снова набрал номер. Начальника. Надо было, действительно, что-то решать.

– Иван Николаевич, товарищ Лепестков? Здравствуйте! Это вас Поливинилов потревожил... Да, да, молодой специалист из отдела... Нет, мне не отпроситься надо. У меня здесь идея одна возникла по блоку передач... Да, да, смотрел я хоккей, молодцы наши, и Балдерис молодец... Так вот блок можно сделать принципиально по-новому. Я здесь эскизик набросал... Да-а-а, от Васильева трудно ожидать плохой игры. Защитник мирового класса... Мне только по одному вопросу проконсультироваться надо. Если ременную передачу... Да-а, завтра со шведами трудно будет. Они злые за поражение от финнов... Так я говорю, блок можно уплотнить... Точно, завтра решится все. Если выиграем, первое место наше. Нет, у меня голова на этот счет не болит. У меня – по другому поводу. Как с блоком... Что? Об этом после игры? Понял.

Я аккуратно положил трубку на рычаг, посмотрел на карандашный набросок блока передач и опустил его в урну. «Работать надо в рабочее время», – сказал я себе и направился в комнату дожевывать макароны и досматривать хоккей.

1980 г.

Диспут

– Товарищи, тема нашего диспута «Эффективное использование рабочего времени», – сказал Ершов и, как опытный оратор, сделал небольшую паузу, давая нам возможность усвоить сказанное.

– Хорошая тема, – отозвался Котелков, поудобнее устраивая голову на собственных ладонях.

– Правильно. Давно пора, – крикнул Кошкин. – Заждались...

– Товарищи, своими репликами вы мешаєте оратору, сбиваете его с мысли, – сказал я и с уважением посмотрел на Ершова.

– Так вот. Я не хочу придерживаться каких-то бумажек. Думаю, лучше будет, если я попытаюсь раскрыть вам эту тему через свое личное восприятие, – Ершов снова сделал значительную паузу. – Безусловно, эффективное использование рабочего времени – процесс сложный, зависящий от целого ряда факторов. И, прежде всего, от личного осознания каждым гражданином своей роли в современном производстве. Чего греха таить, встречаются еще кое-где у нас и такие товарищи, отношение к труду у которых стоит на очень низком уровне. А, значит, и отсутствует понимание тех задач, которые перед нами поставлены.

– Правильно, – громко сказал Кошкин и зааплодировал.

– Что такое? – продирая глаза, спросил Котелков и спохватился.

– Ах, да, да... Я тоже с этим совершенно согласен.

И он тоже зааплодировал. Ершов поднял руку, и стало тихо.

– Для успешного решения этого нелегкого вопроса каждый гражданин должен пройти через нелицеприятный разговор со своей совестью. Лишь полностью выявив свои внутренние недостатки, он сможет бороться и с внешними недоработками.

Я поднес Ершову стакан воды.

– Та что, думаю, ясно, на каких рельсах должен стоять каждый из нас для наиболее успешной внутренней мобилизации...

– Правильно, – сказал Кошкин и посмотрел на часы. – Однако, товарищи, уже обед.

Я измерил Кошкина презрительным взглядом и ответил ему:

– Как тебе не стыдно!

– Мне стыдно, но уже обед, – ответил Кошкин, вставая из-за своего стола. – Я должен набраться сил, чтобы их хватило на вторую половину рабочего дня.

– Что такое? – встрепенулся Котелков, вздрогнув всем телом и испуганно открыв глаза. – Ах, да, да. Я тоже с этим совершенно согласен.

Я умоляюще посмотрел на Ершова. Тот спокойно снял нарукавники и сказал:

– Обед, так обед. Продолжим после обеда. И попрошу всех прибыть на свои рабочие места без опозданий.

И мы торжественно двинулись в буфет.

1980 г.

Вопрос

Первый рабочий день в новом году... Тот, кому довелось его пережить, знает, что это такое. Общее физическое недомогание, поток неорганизованных воспоминаний о прошедшем празднике – все это создает нелегкие условия, в которых трудно казаться занятым и деловым, эффективно использующим рабочее время. У нас плюс ко всему на этот раз добавилась еще и Лидочка-машинистка. Приходит с утра в наш отдел и говорит:

– Хочу вас, товарищи, проинформировать. Завтра проводится трестовская новогодняя елка. Дед Мороз будет дарить всем новогодние подарки. Не забудьте!

Едва вышедшие из анабиоза, мы довольно вяло откликнулись на это предложение. Только умный Ершов щелкнул своим арифмометром:

– Интересно, что будет в подарках на этот раз? В прошлом году было не фонтан, только конфеты, а вот о родителях профсоюз совсем не думает.

– Думает, не думает, – медленно повторил за Ершовым Кошкин, сосредоточенно глядя в окно. – А вы когда-нибудь задумывались над вопросом: кто дарит подарки самому Деду Морозу? Я понимаю, что это – сказочный герой, но ведь в сказках все должно быть по справедливости. Он-то всем подарки несет, а ему кто?

Оторвавшись от своих дел, мы уставились на Кошкина.

– Действительно, несправедливо получается как-то. Про старика, выходит, все и забыли, – вздохнул Котелков. – Я, вон, не Дед Мороз и то подтяжки от жены получил.

– Вот так, подарок получил, а о других не думаешь, – сказал почему-то вдруг зло Кошкин. – А я этим вопросом все праздники промучился. До сих пор ответа не нашел.

– Ничего, мы сейчас вместе подумаем, – сказал я. – Одна голова – хорошо, а четыре – это уже ансамбль.

И мы стали думать. Ершов уткнулся головой в кульман, Котелков закурил, Кошкин опять усталился в окно, а я стал медленно вышагивать по нашему кабинету, мучительно осознавая несправедливость, происходящую буквально на наших глазах с Дедом Морозом.

– Вы чего, мужики? – заглянул к нам минут через сорок Макушкин из сметного отдела и засмеялся. – Что это у вас так тихо? Неужто план горит в начале года?

– Здесь похуже, – отозвался Кошкин и вкратце пересказал свои сомнения насчет Деда Мороза.

– Как я сам об этом не подумал? – почесал затылок Макушкин. – Конечно, несправедливо без подарка в Новый год оставаться. Что тогда делать?

В задумчивости он вытащил губную гармошку и стал что-то тихонько наигрывать в такт своим мыслям.

Еще минут через двадцать к нам забежал Катапультов из отдела снабжения.

– Без закуски? – сострадальчески спросил он, глядя на наши постные физиономии, и сам болезненно поморщился. – Понимаю, сам такой.

– Ничего ты не понимаешь, – снова отозвался Кошкин и рассказал о наболевшем.

– Во, юмор, – удивился Катапультов. – Дай-ка мозгами раскинуть, как же это могло так случиться?

Задумавшись, он тихонько замурлыкал под нос: «В лесу родилась елочка».

А незадолго до обеденного перерыва к нам зашел сам шеф, товарищ Лепестков. Зашел и остановился от неожиданности в дверях.

– Что произошло, товарищи? – с тревогой в голосе спросил он, глядя на наши мрачные лица. – Заказчики подвели? С кем-то плохо?

– С Дедом Морозом плохо, – ответил за всех на этот раз я. – Старик-то, оказывается, каждый Новый год без подарка остается. Некому о бедняге позаботиться. Кошкин вот первый об этом подумал, а теперь и мы с утра этим маемся.

– Ах, вот оно что, – медленно проговорил Лепестков и довольно грозно добавил. – За Деда Мороза, Поливинилов, можете быть спокойны, ему Снегурочка подарок принесет. А вот товарища Кошкина попрошу сейчас зайти ко мне в кабинет. За подарочком, так сказать, если выговор можно назвать таковым.

– Снегурочка! Точно! Гениально! Как же это я сразу не додумался? Снегурочка! – вскрикнул Кошкин, и его лицо осветилось радостной улыбкой. – Есть все-таки на свете справедливость!

– Есть, товарищ Кошкин, есть, – мягко подтвердил Лепестков. – И все-таки не забудьте сейчас зайти ко мне...

1981 г.

На грани фантастики

Сразу после обеда к нам в кабинет зашел шеф. Загадочно осмотрев всех, он произнес таинственным голосом:

– Ну, что, товарищи инженеры, идет железный конь на смену крестьянским лошадам?

– Что? – ужаснулся Котелков. – Что вы сказали, Иван Николаевич? Какой конь? Вы имеете в виду план квартала?

– Я сказал, что все мы живем в эпоху научно-технического прогресса, – ответил ему Лепестков. – И должны гордиться этим.

– Чем тут гордиться, – проворчал из-под груди сваленных на столе бумаг умный Ершов. – Все сметы на бухгалтерских счетах пересчитываю. Наши деды, наверное, так не работали – в час по чайной ложке.

– Да что там говорить, – в тон Ершову отозвался из-за кульмана Кошкин. – Я уже второй месяц на расчетах фундаментов сижу. Арифмометры плавятся, а дело еле движется.

– А вы что скажете, Поливинилов? Чем вас технический прогресс обидел? – Лепестков посмотрел на меня. Недолго думая, я развернул перед ним огромный сетевой график.

– Мне, конечно, грех жаловаться, Иван Николаевич, на дефицит внимания с вашей стороны к моей работе, – здесь я мысленно пожал себе руку. – Но то, что дело движется медленно, – точно. Сколько времени уходит на самые элементарные расчеты – просто страх берет. И это в момент, когда мы, инженеры, призваны всемерно экономить рабочее время. Вон, японцы. Разве у них увидишь сейчас человека с арифмометром? Это же вчерашний день инженерного искусства. Я уже не говорю о бухгалтерских счетах.

– Хорошо сказано, товарищ Поливинилов, – сказал Лепестков, внимательно глядя на меня. – Чувствуется, как серьезно беспокоит вас

проблема производительности труда среди инженерно-технических работников. Мне нравится ваша непримиримость к недостаткам.

Я снова мысленно пожал себе руку, но на всякий случай все же проверил, надежно ли спрятал под сетевым графиком томик Жоржа Сименона. Надежно.

– И про японцев вы правильно вспомнили, – продолжал Лепестков. – Уровень научно-технического развития у них необыкновенно высок. А чтобы этот разговор не был для всех нас абстракцией, прошу всех сейчас зайти ко мне в кабинет.

Ничего не понимая, мы стали медленно подниматься со своих рабочих мест. Подавая нам пример, Лепестков энергично прошагал мимо нас к себе.

– Влипли, ребята, – жалобно заскулил Котелков. – Я это сразу понял, когда он только про коня сказал.

– Да-а, – почесал затылок Ершов. – Но как лихо закрутил: мол, он – железный конь, а мы – крестьянские лошадки, он, дескать, работает, а мы, значит, здесь прохлаждаемся.

– Может, он шахматы приметил, когда зашел, – озабоченно подумал вслух Кошкин. – Но я же их планом фундаментов прикрыл. Ну-ка, Поливинилов, ты у нас карьеру собираешься сделать, скажи, откуда видно, что здесь стоят шахматы в эндшпильной позиции.

Я ответил честно:

– То, что в эндшпильной, – нет. Но краешек доски выглядывает.

– Ты смотри, – засокрушался Кошкин. – И почему я такой маленький план начертил? Ведь мог взять в более крупном масштабе. Мог. А не взял. Инженер называется.

– Товарищи, нас ждет шеф, – заторопил я мужиков. – Как бы нам не было тяжело, надо идти.

... В кабинете Лепесткова мы ахнули. Возле его рабочего стола стояла, сверкая всевозможными панельками и рычажками, элегантная электронно-вычислительная машина.

– Ну, как? – спросил нас Лепестков. Чувствовалось, что наше изумление пришлось ему по душе. Я, разумеется, закрыл рот последним.

– Действительно, железный конь, – сказал повеселевший Кошкин и подошел к самой машине.

– Минуточку, минуточку, товарищ Кошкин, близко к агрегату прошу не подходить, – произнес Лепестков и предостерегающе поднял руку. – Стоимость – несколько миллионов. Производительность – миллион операций в секунду. Одно включение аппарата стоит что-то около десяти тысяч рублей.

Лепестков торжественно поднял какую-то ярко раскрашенную брошюрку:

– Вот здесь в проспекте написано, что один такой агрегат может заменить аппарат сотрудников количеством пятьсот человек... Вот, товарищи, какая уникальная у нас появилась машина. Теперь каждый из нас воочию может убедиться в торжестве идей научно-технической революции и в нашем тресте. Три года ждали мы это чудо. Наконец-таки, и нашу заявку удовлетворили.

Лепестков здесь вздохнул и продолжил:

– А то ведь как-то некрасиво даже было на нас смотреть. У всех соседей такие агрегаты есть, а у нас не было. Теперь можно и к нам кого угодно приводить. Есть что и нам сейчас показать. И мы не лыком шиты.

– Миллион операций в секунду, – заморожено глядя на машину, восхищенно и громко прошептал Ершов, – Это же все мои сметы за долю секунды можно обсчитать... Иван Николаевич, я сейчас, мигом.

Ершов бросился обратно в наш кабинет и вернулся оттуда со всей кипой бумаг.

– Иван Николаевич, вы представляете – всего доля секунды. Да я на этих сметах еще полгода просидел бы, – сказал Ершов и, подойдя к машине, стал выискивать место, куда можно было бы пристроить бумаги.

– Товарищ Ершов, отойдите от машины. Прошу вас, не трогайте здесь никаких ручек. Я же объяснил, – Лепестков едва ли не силой оттащил Ершова от новинки научной мысли. – Стоимость – миллионы. Одно включение – десять тысяч рублей. У вас есть такие деньги?

– Нет, конечно, – уже смущенно ответил Ершов.

– Вот видите. И у меня таких денег нет. И запасных частей тоже, – Лепестков посмотрел на меня. – Товарищ Поливинилов, давайте пока мы этот агрегат стульями огородим. Мне эту штуку еще всему тресту показывать. И ведь обязательно найдутся еще агрессивно настроенные люди, которые попытаются вступить с машиной в контакт. Потом мы что-нибудь попримечательнее придумаем для ограды, чтобы и комар к агрегату носа не подточил. А пока – несите стулья.

– Доля секунды, – Ершов продолжал с упоением смотреть на машину. – Ну, почему, почему я не могу в долю секунды разделаться со всеми этими бумагами?

– Слушайте, Ершов, вы ведь – умный человек, – сказал Лепестков металлическим голосом: по всему было видно, что выходки нашего старшего инженера стали его уже бесить. – Если вы не умеете эстетически наслаждаться достижениями научно-технического прогресса, то не мешайте это делать своим товарищам. Кроме того, не забывайте, что эта штукавина может заменить сразу пятьсот человек, в том числе и одного старшего инженера. Вы уже подыскали себе новое место работы? Я не слышу ответа: да или нет?

Было видно, как эти спокойные слова шефа сбили спесь с Ершова. Он сник и быстро выскочил из кабинета вместе со своими сметами, продолжая шептать себе под нос:

– Ну, почему, почему, почему...

Мы же продолжали восхищаться чудом техники, которая была, действительно, на грани фантастики.

1981 г.

Кирпич

(Современная сказка)

Жил-был кирпич. Обыкновенный. Каких в каждом городе тысячи. В стене ли высокого современного здания, в перегородке ли маленького подсобного помещения. Наш кирпич еще не работал, так как его только-только вынули из печи обжига и положили рядом с другими собратями под стареньким навесом кирпичного заводика.

Трудно сказать, сколько они там пролежали. Однако не так много. Практически никто из них еще не покрылся сеткой мелких морщин – этой свидетельницей их преждевременной старости, – когда к навесу подъехал грузовик. Водитель его, не выходя из кабины, осмотрел кирпичи и крикнул кому-то:

– Возьму, пожалуй, вот эти. Они у вас еще раскиселиться не успели. Додумались все-таки под навес положить.

– Жизнь заставила, – ответил водителю один из двух подошедших мужчин.

– Конечно, угробить столько готового кирпича под открытым небом, сколько у вас. Тут не то, что жизнь, – прокуратура заставила бы, – засмеялся водитель.

– Ты словами такими не бросайся, – ответил ему первый из грузчиков, закидывая кирпичи в кузов.

– Шуток не понимаете, что ли? – поморщился водитель. – Кирпич-то аккуратнее складывайте.

– Это без надобности, – ответил ему второй мужик, побойчее, продолжая соревноваться в метании кирпичей на среднюю дистанцию. – Ты по нашей дороге их все равно целыми не довезешь.

– Да, с вашими дорогами, пожалуй, так и получится. Только все равно, вот здесь за добро народное болит, – водитель показал себе на грудь, но, видя, что никто его не слушает, крикнул от досады и уже

совсем тихо проговорил. – Сколько его тут под грязью лежит, да и по обочинам валяется. Никто не считал.

Вскоре машина медленно тронулась с места. Наш кирпич лежал наверху почти целый. Ему повезло при погрузке. Приземляясь в кузове, он только ушиб несколько своих собратьев, гася о них скорость полета.

Грузовик ехал медленно, но и этого хватило, чтобы на одном из поворотов его, как следует, тряхнуло. Получив новое ускорение, наш кирпич шлепнулся на середину дороги. Машина же, натужно работая, тряслась уже где-то впереди. «Ну, здесь я долго не пролежу, – подумал кирпич, оценив ситуацию. – Как ни плоха дорога, а все-таки дорога. Будет кто-то ехать – обязательно заметит».

Действительно, не прошло и часа, как показался человек. Смотрел он куда-то далеко вперед, а потому и не заметил кирпича, которому очень уж хотелось обратить на себя внимание. Упав лицом в грязь, человек долго отряхивался. Увидев кирпич, он погрозил ему кулаком.

– Знаешь, что я сейчас с тобою сделаю за такие шуточки...

Он даже нагнулся, чтобы поднять кирпич и забросить его подальше от дороги, но в самый последний момент его что-то остановило.

– А почему это должен делать я? – спросил сам себя человек. – Не я положил этот кирпич под ноги, не мне его и убирать. Есть, наверное, специальные службы, которые только этим и занимаются. Им деньги за это платят. Не-е-ет. Я бесплатно работать не буду.

Он пнул кирпич ногой и зашагал дальше. Наш кирпич долго смотрел ему вслед, пока не услышал урчание сразу нескольких машин. «Могут не заметить, – всполошился он, но машины, а их было три, правда, легковые, остановились возле самого кирпича. Вскоре его обступили человек десять-двенадцать.

– Что я вам говорил, товарищи, – сказал всем наиболее представительный и солидный мужчина в шляпе, указывая на кирпич.

– Вот где необыкновенно ярко и выпукло проявляется наше отношение к народному добру. Представьте себе на секунду, сколько таких вот одиноких, забытых кирпичей валяется у нас по дорогам по чьей-то халатности. Сколько можно было бы построить из них прекрасных и светлых зданий, школ, театров, домов отдыха. Вот где наши резервы. У нас под ногами. Надо только нагнуться и поднять их.

– Правильно, – ответил нестройный хор собравшихся, однако никто из них не нагнулся и не поднял реально существующий резерв. Представительный и солидный мужчина в шляпе еще минут пять размахивал руками, говорил хорошие и убедительные слова о расточительности, бесхозяйственности, нерадивом отношении к делу. Закончив говорить, он широким жестом указал на машины:

– А сейчас попрошу членов комиссии занять свои места в транспорте. Поедем дальше. Рейд – продолжается.

Вырвавшиеся из-под резво рванувших колес комья грязи окончательно залепили наш кирпич. «Все. Теперь уж точно никто не заметит, – думал он, делая безуспешные попытки привести себя в товарный вид. – Так и пропаду на виду у всех»

И, действительно, мимо него еще долго шли люди, ехали машины. Возле него останавливались, на него смотрели, указывали пальцем и говорили, говорили, говорили...

Горюя о своей несчастной судьбе, наш кирпич и не заметил, как возле него остановилась телега. Было уже довольно темно, но чьи-то теплые руки, не спеша, вытащили его из грязи и стали аккуратно очищать бока.

– Ты смотри, еще совсем хороший кирпич, – удивился себе в бороду мужик, хозяин телеги. – А чего он здесь валяется? Может, думают ими всю дорогу мостить?

Он поискал глазами еще кирпичи.

– Больше вроде нету... Значит, ты один здесь валяешься? – мужик ласково погладил кирпич. – Тогда, брат, ступай ко мне в телегу. В хозяйстве и один кирпич пригодится. И печку подремонтировать. И в баньке применение найдется. Да и в сарае есть куда положить. Словом, без работы не останешься.

Мужик подмигнул кирпичу, положил его в телегу на солому и тронул лошадь. Об одном жалел в этот миг наш кирпич: что не может сказать «спасибо».

1982 г.

Кошмары

Третью ночь подряд инженеру Синдикатову снились кошмары. Как и полагается, страшные, от которых он просыпался в холодном поту, долго глядя в темный потолок спальни и прислушиваясь к ночной тишине, моргал глазами, снова засыпал и снова просыпался с тревожным предчувствием беды.

Каждый раз кошмары чем-то отличались друг от друга, но начинались они приблизительно одинаково: с видения, что в отдел, где работает Синдикатов, заходит начальник и зловещим голосом объявляет:

– Ну что, товарищи инженеры, наконец-таки, и у вас появилась отличная возможность проявить свое профессиональное мастерство. Есть хорошая работенка. В минимальные сроки вам предстоит разработать и сдать...

Вот здесь кошмары начинали дробиться по содержанию сюжета. В первый раз начальник назвал проект фантастического воздушного замка, построенного на песке, во второй – грандиозную модель «вечного двигателя», собранную из отходов производства, в третий – вообще поднял палец вверх и провозгласил – межгалактический центр по приему стеклотары с замкнутым циклом потребления. После этого Синдикатов не мог уже молчать. На утро третьего дня он пришел на работу и замогильным голосом честно во всем признался.

– Такие вот ужасы лезут в голову, мужики. И ничего я с ними не могу сделать. Какой-то подсознательный, неуправляемый процесс, – развел руками Синдикатов. – Никогда со мною такого не было за все семь лет работы в нашей конторе.

Конечно, подобные вещи едва ли кому-то могли прийти по душе.

– Не к добру это, – сказал умный Ершов, ему до пенсии оставалось два года, поэтому на все события он смотрел с суеверных позиций. – Помню, лет пятнадцать назад что-то подобное снилось одному моему знакомому из смежного отдела у субподрядчиков. И что вы думаете, через некоторое время тот отдел сократили за ненадобностью. Вот вам и сон – в руку!

– Неужели и нас? – ужаснулся Котелков, всегда сразу же терявший самообладание. – Вот так, под одну гребенку?

– А что с нами чикаться? Я бы давно нашу контору разогнал, – злорадно рассмеялся Катапультов, молодой специалист, попавший сюда по распределению и проработавший всего полтора года. – Меня в институте к такой серьезной работе готовили. Помню, ночей не спали, чтобы с курсовыми справиться, навык приобрести. А пришел сюда и позабыл все, чему учили! Удивительная у нас контора. Кому она нужна? Ведь сократи нас – никто и не заметит.

– Так уж и никто, – попытался возразить ему Поливинилов, характерной особенностью которого была крайняя молчаливость. По этой причине ему все прочили большое будущее, так как молчал Поливинилов всегда очень умно, убедительно, весомо. – Делаем же мы какую-то работу.

– Какую? – запальчиво воскликнул Катапультов. – Эти две линии я провел еще месяц назад. А сейчас думаю, стоило ли их вообще проводить. Ведь после этого я отработал за этим кульманом всего пять дней. Сегодня шестой. На овощехранилище был, на стройке был, на конвейере был.

– Но, дружок, не посылать же туда каждый раз Ершова. Ты все-таки молод, и в этом у тебя несомненное преимущество, – ответил ему из своего угла Кошкин. Он редко выходил оттуда, так как был надежно закрыт шкафом от посторонних глаз. Ему все завидовали. И Кошкин всерьез боялся потерять свое место.

– К тому же каждый из нас участвует в общественно полезном физическом труде не меньше твоего, – Кошкин выставил из-за шкафа мозолистые ладони. – Это я привез из колхоза. И, между прочим, меня это устраивает. Свежий воздух, природа. Хочешь больше прожить, работай руками, а не прирастай к своему столу.

– Может быть, нас потому и не сокращают, что мы нужны нашей конторе в целом? – глубокомысленно изрек Котелков и испугался собственных слов – до того они показались ему справедливыми.

– Согласен, – кивнул головой Поливинилов. – Я бы на месте нашего начальника поступал точно также. Пусть у нас нет путного дела, но сокращать нас нельзя. Понимаете, тут своеобразный замкнутый круг получается. Давать нам серьезную работу нельзя, так как мы редко собираемся в таком полном составе, как сейчас. А других тоже нет смысла отвлекать от серьезной работы, так как в отделе есть наше бюро, которое и специализируется на отвлечениях. Это же ясно как дважды два. Вот и выходит: и план отдел выполняет, и с приложением к нему справляется. Так что наша роль в структуре отдела очень важная. Поэтому я не очень согласен с Катапультовым. Мы нужны, очень нужны общему делу.

Эти рассуждения Поливинилова несколько успокоили инженерно-технических работников и подтвердили высокую репутацию говорившего: если он о чем-то завел речь, то воистину толково.

– Но стоит ли в качестве жертвоприношений держать людей с дипломами? – попытался вставить шпильку Катапультов. – У меня руки все-таки чешутся по настоящей работе.

– И до чего же вы, молодые специалисты, народ невыносимый, – проворчал из своего угла Кошкин. – Никак не можете понять, что ликвидировать тяжелый ручной труд мы сможем только тогда, когда

каждый инженер на себе испытает, что это такое. Тогда и мысли у него забегают быстрее и рациональнее.

– Интересная трактовка, – сказал Синдикатов, молчавший до сих пор. – Кстати, иногда во сне я вижу очень своеобразные механизмы. Мне кажется, это следствие той подсознательной работы инженерной мысли, о которой говорит товарищ Кошкин. Решения созревают в нас, надо их только направить в нужное русло...

Здесь дискуссия была прервана неожиданно открывшейся дверью. На пороге комнаты появился начальник отдела товарищ Лепестков.

– Как настроение? – спросил он, окидывая всех внимательным взглядом.

– Рабочее, – с некоторым вызовом сказал Котелков и испугался: то ли он сказал.

– Вот и хорошо, – констатировал Лепестков и вошел в комнату. – А у меня для вас две новости. Одна – плохая, другая – хорошая. С какой начинать?

– С плохой, – подсказал умный Ершов. – Лучше соль сахаром заедать, чем сахар – солью.

– Хорошо, – согласился Лепестков. – Нам опять подкинули работенку для вашего бюро. Надо срочно выделить семь человек для погрузочно-разгрузочных работ. Нужны мужчины, придется поработать мускулами. На десять дней командирую в цех.

– Что же здесь плохого? – спросил Кошкин. – Меня, например, это устраивает. Хочешь больше прожить, работай руками.

– А вторая новость какая? – осторожно осведомился умный Ершов.

– Вторая заключается в том, что мы отстаивали ваше бюро при последнем сокращении штатов, – Лепестков широко улыбнулся. – Так что, ребята, все в порядке.

– Как сказать, – пробурчал про себя Катапультов, глядя на сияющий белизной кульман. – Кому от этого лучше?

– Замкнутый круг, – тихо, но уверенно констатировал Поливинилов. – Что я говорил?

– Ничего не понимаю, – глядя на закрывающуюся за начальником дверь, задумчиво произнес Синдикатов. – Вроде все нормально, а кошмары снятся. Странно это...

1982 г.

Мероприятия по атмосфере

Скажу прямо, поволноваться мне сегодня пришлось изрядно. А дело все в том, что еще на прошлой неделе встретил меня как-то наш начальник товарищ Лепестков. Хлопнул по плечу, измерил меня взглядом, изобразил на лице скептическую улыбку и говорит так очень спокойно.

– Чем занимаетесь, товарищ Поливинилов? Что новенького внедрили?

– Работаю по утвержденному плану, – отвечаю своей обычной заготовкой и усиленно соображаю, к чему клонится разговор.

– Вот и хорошо, – произносит Лепестков и несколько секунд молча, испытывающе смотри на меня, затем добавляет – Загляните ко мне на следующей недельке. Посмотрим, обсудим, проанализируем, чем вы там занимаетесь. Подготовьте всю необходимую документацию.

Надо ли говорить, что в тот же день я засел за основательный письменный отчет о своей работе, ибо хорошо знал: шеф слов на ветер не бросает. За пять дней и отчасти ночей я исписал столько бумаги, что другой и за месяц не испишет. Но зато сегодня утром я пришел на работу с такой разбухшей папкой для отчета, что народ в нашем бюро сразу восхищенно загудел.

– Вот это я понимаю – настоящее отношение к работе, – сказал умный Ершов и подошел пожать мне руку. – Чувствуется, с душой подошел к составлению отчета. Сколько дней писал?

– Пять, – сдавленным голосом ответил я и едва слышно добавил. – Суток.

– А чего такой кислый? – спросил Котелков, взвешивая на ладони мои бумаги. – Боишься, что ли? Да с таким щитом тебе сам министр не страшен.

– Боюсь, – честно признался я. – А вдруг что-то упустил. Разве упомнишь все, что сделано?

– Странный ты человек, Поливинилов. У тебя же самая спокойная работа у нас в отделе. Заниматься охраной окружающей среды. Это же не работа, а малина, – крикнул из своего угла Кошкин. – А ты трясешься. Эх, доверили бы мне это дело...

– А я тебя понимаю, – признался мне Ершов. – Когда в дело вкладываешь душу, всегда есть опасение, что тебя не поймут или поймут только наполовину. Люблю по-настоящему увлеченных делом людей. На них мир держится.

И он мне снова пожал руку.

В это время в дверь нашего кабинета просунулась голова Лидочки-машинистки.

– Товарищ Поливинилов, – сказала она своим ангельским голоском. – Вас Иван Николаевич, товарищ Лепестков вызывает.

– Иду, – быстро ответил я и, не глядя на товарищей, вышел из кабинета...

– Так, так, показывайте мне свои бумаги. Давненько мы вас не тревожили, – ворковал Лепестков, углубляясь в мой отчет. – Что у вас здесь? ... А-а, вижу, вижу... Мероприятия по очистке воздушного бассейна цеха... Хорошо, толково составлено. Много интересных новшеств.

В этот момент кто-то заглянул в кабинет начальника, и сразу потянуло гарью из цеха.

– Эй, закройте там дверь, – крикнул я, оглянувшись, и снова повернулся к Лепесткову. – Совсем о вашем здоровье не думают.

– Правильно, – одобрил начальник, откашливаясь. – И так здесь дышать нечем. И это при закрытых форточках. А если их открыть? Капут! Хоть противогаз надевай. А здоровье – дело такое. Один раз на всю жизнь дается... – и он снова уткнулся в мои бумаги.

Минут десять мы молчали. Потом, закрыв последнюю страницу отчета, Лепестков удовлетворенно крикнул:

– Солидно написано. А я ведь, честно говоря, думал, что вы у нас дурака валяете.

– Иван Николаевич, ну, что вы? – возмущенно воскликнул я и картинно развел руками. – Как вы могли?

– Ладно, ладно. Теперь вижу, что был не прав. Убедили старика. Продолжайте в том же духе. А отчет я оставлю у себя, – сказал Лепестков и подошел к окну.

Понимая, что разговор закончен, я встал.

– Товарищ Поливинилов, позовите Лидочку. Пусть зайдет, – уже в дверях нагнала меня просьба Лепесткова.

Лидочка ланью бросилась к начальнику. И уже в приемной я услышал раздраженный голоса своего шефа:

– Лидочка, что это вы забываете напомнить уборщице об окнах? Взгляните, как их гарью закоптило. Солнца днем не увидишь...

Лидочка что-то залепетала в ответ, но я не стал больше прислушиваться. Нехорошо подслушивать чужие разговоры, тем более, если тебя самого они не касаются.

Набрав побольше воздуха в легкие, я вышел из приемной и быстро зашагал через цех в отдел к своему рабочему месту. Выдохнул и опять вдохнул уже в своем бюро. Правильно говорит товарищ Лепестков – здоровье один раз на всю жизнь дается....

1982 г.

Как я опоздал

Честно говоря, что-то в последнее время стал я часто опаздывать. Кажется, и время рассчитываю с запасом, и делаю необходимую поправку на некоммуникабельность окружающих даже в разгар весны. И все равно – ничего не получается.

Вот буквально сегодняшний пример. Сначала задержался на остановке в ожидании подходящего мне транспорта, а потом светофоры словно сговорились – все красный да красный на каждом перекрестке. Словом, нервы потрепать пришлось изрядно. Прихожу издерганный и злой с десятиминутным опозданием.

Еще как следует отдышаться не успел, подходят ко мне Ершов, наш старший инженер, с техником Кошкиным.

– Да, товарищ Поливинилов, – говорит Ершов, – рассчитывать на вас в серьезном деле никак нельзя. Подведете, как пить дать. Если честно, я бы с вами в разведку не пошел. Благо, что нам с вами сейчас не в лагерь противника пробираться.

– Не виноват я, товарищи, честное слово, – попытался оправдаться я. – Выходил ведь за час до начала.

– Значит, надо выходить за два часа, – вмешался в разговор Кошкин. – Мы ведь давно уже здесь. И никто нас не может упрекнуть в том, что мы опаздываем. А вот с вами давно уже пора вести индивидуальную работу по вопросу эффективного использования рабочего времени.

– Да троллейбус меня подвел. Я же вам честное слово даю, товарищи сослуживцы, – снова залепетал я в свое оправдание. – С транспортной системой у нас порядка нет.

– Товарищ Поливинилов, не надо списывать собственную нераспорядительность и безалаберность на объективные трудности, – довольно резко оборвал меня Ершов. – Между прочим, все эти

объективные проблемы и существуют благодаря таким вот субъектам, как вы... Кстати, сегодня утром я вас что-то не видел ровно в девять часов на своем рабочем месте.

– Точно. Не было его, – подтвердил Кошкин. – Я засекал время. Он явился в четырнадцать минут десятого. Я специально у входа в трест дежурил. Более того, у меня сегодня создалось впечатление, что его абсолютно не волнует опоздание на работу. Идет довольный, веселый. Чему вы радовались, товарищ Поливинилов? Что трест благодаря вам потерял за нынешнее утро четырнадцать рублей.

– Я не знал, – искренне удивился я. – А откуда вы взяли, что именно четырнадцать?

– Подсчитал, – гордо ответил Кошкин и вытащил из кармана блокнот с записями. – Если взять сметную стоимость разрабатываемого вами объекта и соотнести ее со средней производительностью инженерно-технического работника, то получится, что одна минута вашего пребывания в стенах треста оценивается приблизительно в один рубль. У товарища Ершова этот показатель, между прочим, выше в полтора раза. Теперь вы понимаете, как можно расценить ваше сегодняшнее опоздание на работу.

Сраженный приведенными цифрами я понуро опустил голову, потом снова посмотрел на сослуживцев и сказал тихим голосом:

– Простите меня, товарищи. Даю вам честное слово, что подобную картину со мной вы наблюдаете сегодня в последний раз.

– Чего уж там, товарищ Поливинилов, мы вам верим, – успокоил меня Ершов. – Вы лучше скажите, билеты при вас?

– При мне, – ответил я.

– Так, так, на журнал мы по вашей милости уже опоздали, – пробормотал Ершов и посмотрел на часы. – Фильм закончится в половине первого. В самый раз к началу обеда, так что в столовую мы

еще успеем. И чтобы потом никаких опозданий с обеда, товарищ Поливинилов. Ровно в половине второго быть на своих рабочих местах... Кстати, шеф после нашего ухода не заходил в отдел?

– Нет, вроде все было тихо, – ответил я.

– Хватит разговоров, товарищи, – сказал нам Кошкин и кивнул в сторону зрительного зала. – Киножурнал уже кончился. Пошли.

И мы бодро влились в толпу опоздавших на дневной сеанс кинозрителей.

1983 г.

Автоматизация

Федяев вбежал к нам в «курилку» вспотевший и возбужденный.

– Ну, мужики, – крикнул он, – можете писать все заявления об увольнении.

От неожиданности Макушкин подавился бутербродом с колбасой, а Савушкина «прострелило» в поясницу. Пока первому стучали по спине и выпрямляли второго, Котелков мрачно посмотрел на Федяева и спросил:

– Это за какие такие грехи? У меня, конечно, было одно опоздание в этом году, но ведь я слово всему участку дал, что больше этого не повторится.

– При чем тут твое опоздание, Котелков? – Федяев энергично махнул рукой. – Посмотри вокруг. Технический прогресс сегодня входит в каждый цех, освобождает людей от тяжелого физического труда.

Он с минуту помолчал, мечтательно глядя куда-то поверх наших голов.

– Эх, буду новой специальности учиться. В институт пойду, раз есть такая возможность. Сегодня одними руками работать – разве это дело? Голова еще нужна.

– Да говори ты толком, что случилось? – все еще откашливаясь, но, уже глотнув воздуха, спросил Макушкин.

– Что случилось? У Мигреньева на соседнем участке новую автоматическую установку запустили. Говорят, по производительности превосходит сразу три участка нашего цеха. Поняли? Вот это техника!

Савушкина снова «прострелило» в поясницу, но выпрямлять его уже не было времени, так и потащили его согнутого смотреть новую установку...

Старший мастер Мигреньев расхаживал возле чуда технической мысли, важный и значительный. Заметив нас, улыбнулся:

– Что, соседи, и вам интересно?

– Конечно, интересно, – ответил за всех Федяев. – У меня сейчас знаешь, сколько всего с этой машиной связано. Можно сказать, на всю жизнь свою по-новому взглянул...

– Показывай, как работает, – весело сказал Макушкин, обрывая на полуслове разошедшегося Федяева. – Народ сильно интересуется.

– Это хорошо, что вы все пришли посмотреть, – удовлетворенно крикнул Мигреньев и кивнул нам с Котелковым. – Видите поддон с заготовками? Берите одну и вставляете вот сюда...

Он указал на отверстие в автомате.

Мы нагнулись за металлической болванкой, но только смогли едва оторвать ее от земли.

– Тут двоим, пожалуй, не справиться, – сказал я, глядя на Мигреньева.

– Ну-ка, помогите кто-нибудь Поливиниллову, а то у него вся сила в «курилке» осталась, – сказал тот, снова улыбаясь.

К нам подскочил Федяев, и мы, согнувшись в три погибели подобно Савушкину, подтащили заготовку к автомату.

– Чтобы поднять и вставить ее, четвертый нужен, – отдуваясь, рассудительно заметил Котелков. – На троих тут никак не сообразишь.

– Давайте и я с вами, – предложил Макушкин, и мы снова ухватились за болванку.

... С пунцовыми от напряжения лицами мы отошли от автомата, разминая затекшие от напряжения поясницы.

– Запускаю, – торжественно объявил Мигреньев и медленно нажал на кнопку.

Через несколько секунд из другого отверстия посыпались готовые детали.

– Есть тысяча штук! – снова торжественно объявил Мигренев и выключил автомат. – Тащите новую заготовку...

– Да мы и так видим – техника на уровне, – авторитетно произнес Макушкин.

– Что там говорить, мне неделя нужна, чтобы тысячу деталей сделать, – горячо воскликнул Федяев. – Ай, да молодцы! Ведь могут люди такое придумать. Вот это головы. Все. Решено. Сегодня же подаю заявление об увольнении. Одна дорога теперь у меня – в институт. Буду новые специальности осваивать. Мы теперь здесь не понадобится.

– А я так думаю, что спешить нам с заявлениями, мужики, нечего, – спокойно рассудил Котелков. – Вон, сколько еще полных поддонов с заготовками стоит, а ведь еще подвезут. Если мы все по институтам разбежимся, кто же этими болванками автомат накормит? Жаль только, что людей у нас маловато. Чтобы техника не простаивала без дела, ее надо восьмерым обслуживать – в две четверки. А нас только семеро, плюс Савушкин.

– Ребята, вы меня тоже считайте, – немного обидевшись, сказал Савушкин, которого мы прислонили к поддону. – Меня бы только «прострел» отпустил, а руками я любой вес подниму. Вы же меня знаете.

– Знаем, – ответил за всех я, все еще разминая собственную поясницу. – Ты парень у нас крепкий, а на таких вся автоматизация держится...

1983 г.

Решение

– Итак, товарищи, все знакомы с повесткой данного совещания?
– управляющий трестом Мостовой обвел присутствовавших в кабинете специалистов внимательным взглядом, сделал многозначительную паузу. – Если кто-то забыл, напомню – «Выработка рекомендаций по выполнению плана в наступающем году». Цифры у всех под руками. Прошу выступать с предложениями...

– Лично я хочу сказать, что перед нашим трестовским коллективом стоят обширные и серьезные задачи, – начал прения представитель экономической службы Перьевой. – И надо приналечь, как следует, чтобы их выполнить. Если понадобится, и ночей не доспать, но сделать все, что запланировано.

– Пора, давно пора взяться за дело, засучив рукава, – энергично поддержал Перьевого начальник технического отдела Незасыпеннко. – Прежде всего, надо лучше использовать факторы морального и материального стимулирования высокопроизводительного труда.

– Дельная мысль, – согласился Мостовой и что-то пометил у себя в блокноте.

– Нельзя забывать и о таком важном резерве производства, как ужесточение спроса за порученное дело. Необходимо усилить ответственность каждого работника за рациональное использование каждой минуты рабочего времени, – подала голос представительница сметного отдела Куродоева.

– И это хорошо, – снова согласился Мостовой.

– Высокая производительность труда – это, как правило, итог благоприятной творческой атмосферы, которая складывается в трудовом коллективе. Поэтому пришла пора и нам задуматься о создании соответствующего микроклимата в наших бригадах, –

задумчиво сказал начальник инженерной службы Незабвенный, приехавший недавно из заграничной командировки....

...Когда высказались все, Мостовой подвел итог:

– Что я могу сказать, товарищи? На мой взгляд, обсуждение получилось деловым и полезным, что свидетельствует о высокой трудовой активности, складывающейся в нашем коллективе. А теперь давайте запишем общее решение по поводу доведенного нам плана, предусматривающего увеличение производительности труда на пять процентов и объемов производства – на семь процентов...

После этих слов в кабинете управляющего воцарилось долгое молчание. Мостовой озабоченно постукал карандашом по столу:

– Так, так...

– Да что там думать, – решил нарушить первым молчание Козлокранов, самый опытный из всех работников треста, специалист по снабжению. – Вы же сами видите, они там, в министерстве, эти цифры с потолка взяли, а нам сейчас жилы рви, из кожи лезь. Нехорошо получается. Поэтому предлагаю такую редакцию решения нашего совещания: «Убедительно просим пересмотреть годовое задание с корректировкой его в меньшую сторону».

Присутствующие одобрительно закивали головами.

– Хорошо. Ставим на голосование, – бодро сказал Мостовой. Кто за?

Над длинным столом заседания поднялся лес рук.

– Решено. Товарищ Козлокранов, завтра выезжаем в министерство. Подготовьте необходимые документы, – произнес управляющий и облегченно вздохнул. – Все. Заседание закончено. Все свободны.

1983 г.

Нам реклама не нужна

Эту новость, ошарашившую всех, принес на участок Мигреньев, наш старший мастер. Зашел вскоре после начала смены в наш блок и с порога брякнул:

– Ну, что, мужики, доигрались! Только что мне сообщили, что на проходной задержан Макушкин, член вашей бригады, напарник Поливинилова. И не просто задержан. А с деталями. Понятно? Как вам это нравится?

– Нам это не нравится, – хмуро ответил ему за коллектив Федяев и вдруг недоуменно пожал плечами. – Как с деталями? Ведь рабочий день только начался. Какие же могут быть детали, если он шел на работу в цех, а не наоборот?

– Меня это тоже сразу немного насторожило, – почесав затылок, сказал Мигреньев. – Но факт есть факт.

– Ну, относительно деталей – это еще проверить надо, – авторитетно сказал Савушкин, наш бригадир.

Он деловито выключил станок и стал вытирать руки:

– Где сейчас Макушкин?

– Там, где ему, несуну, и положено быть – на проходной, – зло ответил ему Мигреньев и стал листать свою записную книжку. – Опять пятно на весь участок ляжет. Премий не видать.

– Ты погоди ныть. Разберемся, тогда и будем выводы делать, – строго сказал Савушкин и посмотрел на всех нас. – Кто со мной пойдет?

Вызвались мы с Федяевым.

...Через десять минут мы были уже на проходной. Там творилось что-то непонятное. Над собравшейся толпой возвышался наш профсоюзный активист товарищ Перьевой, который, то и дело

указывая на стоявшего рядом с ним раскрасневшегося Макушкина, говорил воодушевленным тоном:

– Вот, товарищи, посмотрите на этого скромного человека. Учитесь у него хозяйскому отношению к делу. Он несет на завод детали, которые сейчас так нужны его цеху, его бригаде...

Когда импровизированный митинг закончился, мы протолкнулись к Макушкину.

– Ты чего тут устроил? – жестко спросил его Савушкин. – Это у тебя детали нашли?

– У меня, – смело ответил Макушкин и широко улыбнулся. – Я их на завод из дому нес.

От неожиданности Савушкина по обыкновению чуть не скрутило в пояснице, а мы в изумлении раскрыли рты.

– Ты это серьезно? – спросил Федяев.

– Да, вот эти детали, – снова заулыбался Макушкин, раскрывая свой небольшой чемоданчик.

– Ты смотри, как раз те, которых нам сейчас так не хватает, самые дефицитные! ... Молодец! – очень серьезно, посмотрев на Макушкина, вдруг произнес Савушкин. – Честно говоря, я всегда о тебе немного хуже думал. Подозревал в тебе несуну. Ты прости!

– И меня прости, – вырвалось признание и у Федяева. – Я ведь, было, почти поверил, что ты детали с завода потащил.

Они крепко пожали Макушкину руку и пошли обратно в цех.

– Ну, а теперь правду! – потребовал я, когда мы с «героем дня», моим напарником, остались наедине.

Макушкин опасливо посмотрел на меня и шепотом объяснил:

– Не подошли они к тележке моей. В торце слишком узкие.

– Так чего ты их на завод обратно тянешь? – удивился я.

– А куда их денешь? – махнул рукой Макушкин. – Дома на кухне положил под стол, Маша заругалась. Выкидывать? Жалко

стало. Столько мучился, пока вынес из цеха. Да и труд ведь свой в них вложили – вон, как блестят после нашей шлифовки. Ну, я их обратно и понес.

– Чудак ты, Макушкин. А что же теперь с тележкой делать будешь?

– Мигреньев говорил, что на следующей неделе еще партию деталей такой же конфигурации нам на шлифовку дадут. Те уж, думаю, наверняка подойдут. Так что надо немного подождать. Такие дела.

– А-а, ну, тогда все правильно, – успокоился я за товарища и похлопал его по плечу. – А то напугал ты меня сегодня. Столько шума поднялось. Я ведь тоже «тачку» свою перебирать собрался, кое-что уже подобрал. Думаю, к этим выходным все подготовить. А тут ты со своими деталями... Ох, Макушкин, Макушкин, мы – не кинозвезды, нам реклама не нужна...

– Это точно, – закрывая свой чемоданчик, согласился Макушкин.

И мы зашагали от проходной к цеху.

1983 г.

У нас дисциплиной строго

Эта история произошла со мною два дня назад, но я до сих пор мучаюсь на работе сомнениями и никак не могу понять в произошедшем главного. Не могу понять, за что меня тогда похлопали по плечу и с благодарностью пожали руку. Ведь повода я не давал абсолютно никакого. Впрочем, расскажу обо все по порядку.

Позавчера, вскоре после обеденного перерыва, захотелось мне покурить. Вообще, курю я мало, но как прижмет иногда – никуда от этой вредной привычки не уйдешь. Говорят, воля у меня слабая, раз не могу бросить. Может быть. Так вот, забежал я по своему обыкновению за спичками к Лидочке-машинистке. Ну, и засиделся у нее немного. Часок, другой. Поговорили мы с ней о жите-бытье. Она мне свою личную жизнь рассказала, я ей – свою. За интересной беседой я и не заметил сразу, что в приемной мужик в углу какой-то сидит, дожидается, когда наш начальник товарищ Лепестков освободится.

Только мы закончили толковать с Лидочкой о проблемах взаимоотношений полов, я наклоняюсь к ней и очень даже тихо спрашиваю:

– Кто это такой?

Она, обрадовавшись новой теме разговора, вдруг откинулась на спинку стула и громко выпалила открытым текстом:

– А к нам, товарищ Поливинилов, между прочим, новые кадры работать устраиваются.

Незнакомец тоже вроде как обрадовался, что Лидочка так сказала. Посмотрел на меня и оживленно дополнил:

– На должность инженера. Моя фамилия Синдикатов.

– Ясно, – говорю я многозначительно и, сощурив глаза, внимательно оглядываю своего будущего сослуживца.

– Хочу только поинтересоваться, – несмело добавляет тот. – Как тут у вас дела с дисциплиной обстоят?

– Очень строго, – сразу отвечаю я суровым голосом. – Опоздаете к началу рабочего дня, так для профилактики отпуска в июле лишитесь и годового вознаграждения в виде тринадцатой заработной платы. А во второй раз никто с вами и церемониться не станет. А что это вы вдруг такой вопрос необычный задаете? Подозрительный, я бы сказал, вопрос.

– Да, это я так, вообще, – вздохнул Синдикатов. – Я не старом месте из-за этой самой дисциплины и пострадал. Трое суток над объектом сидел, да так в срок и не уложился. Планы у нас там были напряженнейшие. Три-четыре дня – сдавай чертежи заказчику. А тут подвалы фигурные попались. И за уникальность объекта времени никто не добавил. Вот я и «погорел». На расчетах. Чуть инфаркт не получил. А у нас срыв задания, как ЧП, на весь институт рассматривается. Вот и пришлось уйти. Вы меня понимаете?

– Чего уж тут не понять, – усмехнулся я. – Только и у нас вам крышка. У нас насчет работы строго. Пойдите вот сейчас по коридору и спросите это у любого, кого встретите. Там, кстати, ребята партию в теннис возле «курилки» заканчивают. Вам каждый из них то же самое скажет.

Прямо скажу, сник после моих слов товарищ Синдикатов. Сел снова в уголок, в пол невидящим взглядом уставился. Я сразу понял, что он сильно переживает. Все лицо испариной покрылось. Конечно, очень неприятно это – чувствовать себя к чему-то профессионально непригодным. Ну, а мы с Лидочкой еще о новых духах в нашем универмаге поговорили, об отпуске помечтали, но нового товарища к разговору уже не привлекали.

Однако часа через полтора, когда освободился, наконец, товарищ Лепестков, незнакомец поднялся уже почему-то заметно

повеселевшим, очень живыми глазами посмотрел на меня, похлопал по плечу и даже протянул руку для сердечного, дружеского рукопожатия.

– Спасибо вам, говорит, товарищ Поливинилов, за науку. Я за эти три часа, которые провел здесь вместе с вами, на многие вещи взглянул другими глазами. В том числе и на вопросы трудовой дисциплины.

Он направился в кабинет нашего шефа, но в дверях еще раз обернулся и совсем уже весело сказал:

– А знаете, мне кажется, что я смогу работать у вас. Несмотря на самую строжайшую дисциплину... – и ушел.

Странно, не правда ли? С чего он это взял? И при чем тут я? Меня-то за что благодарить? Вот тут он нас с Лидочкой в тупик и поставил. Сидим мы с ней уже второй день и никак понять не можем: радоваться в этой ситуации надо или огорчаться. Вроде поблагодарил человек за что-то. А вот за что – не ясно. Ведь повода я ему не давал абсолютно никакого...

1983 г.

Экскурсия

Эта история произошла у нас на заводе вчера. Вызвал меня к себе наш начальник товарищ Лепестков и сказал:

– Вот, товарищ Поливинилов, пришла пора и вас уже проверить на настоящем деле.

– Всегда готов оправдать ваше доверие, Иван Николаевич, – четко ответил я и немного подался вперед, чтобы лучше усвоить задание.

– Так вот, приехала к нам на завод большая группа специалистов с родственного предприятия по обмену передовым опытом. наших гостей очень интересуют наши успехи в освоении новой техники. Сразу скажу: задача перед вами стоит сложная. Вы меня поняли? Вы ведь завод хорошо знаете? – Лепестков испытывающее посмотрел на меняю. – Найдете куда завести?

– Разумеется, какие могут быть разговоры. Представим все в лучшем виде.

– Ну-ну, смотри, Поливинилов, не ударь лицом в грязь. Часика два по заводу поводишь и отпусай народ. У них программа и так насыщенная...

Народу собралось, действительно, немало. Человек тридцать. Старший из них подошел ко мне и говорит:

– Мы бы хотели на вашем заводе увидеть все, что является последним словом технической мысли.

Честно говоря, поставил он меня этим предложением в довольно затруднительное положение. Думаю, если с такой целью вести их в цех, товарищ Лепестков с меня голову снимет. Какое там последнее слово техники, когда на каждом участке народ руками еще всюю трудиться. Нельзя туда идти. Нельзя. Задумался я. Почесал затылок и ... вспомнил, где у нас последнее слово технической мысли найти

можно. Развернулся тогда я к публике, широко и гостеприимно улыбнулся и сказал:

– Постараемся, товарищи, как можно лучше удовлетворить ваше желание. Идите все за мной.

И повел их напрямик на наш заводской склад. Уж там, я был уверен, мы найдем все, что им захочется увидеть. Привел и сам ахнул: такая удача! Кругом столько всего стоит, за неделю не осмотришь. Тут тебе и станки с числовым программным управлением, и печи индукционные, и конвейер подвесной с толкателем. Еще больше это зрелище потрясло экскурсию. Стоят, рты разинув. Ну, и я им не даю закрыться. Сразу начал бойко шпарить:

– Наша главная задача сегодня, – говорю, – сделать производство высокопроизводительным, автоматизированным, освободить его от засилия ручного труда...

Ну, и так далее в том же духе. Потом перешел к конкретным примерам:

– Вот этого робота наш завод купил два года назад. Уплатили за него полмиллиона, но эти затраты будут оправданы, товарищи. Когда он начнет работать, то в течение месяца окупит себя, ибо производительность на операции, которую он выполняет, повысится сразу в двадцать два раза... Или вот еще один пример технического развития нашего предприятия. Видите, эти огромные деревянные ящики? Это ничего, что доски кое-где уже провалились. Сами понимаете, дожди ведь идут не по заказу. Вот древесина и того... Но главное не это. В этих ящиках – будущая гордость нашего завода. Импортная высокопроизводительная автоматическая линия. Если бы вы знали, с каким трудом мы ее доставали три года назад. Это можно было бы целый детективный роман написать. Но главное, что достали. Теперь она у нас, – после этих слов я с любовью погладил один из ящиков рукой. – Одна такая линия позволит нам избавиться от

ручного труда на сложнейших операциях в металлургическом производстве.

Закончил я свой монолог возле уникального пресса, который и качество повысит, и металл сэкономит, и отходы еще в дело пустит. Смотрю после этого на часы. Все нормально. Как и договаривались – два часа прошло, минута в минуту.

– Все, – говорю, – товарищи. На этом экскурсия наша заканчивается. Какие будут вопросы?

Здесь ко мне мужчина какой-то протиснулся. Честно говоря, я его с самого начала заприметил. Заядлый такой, всю новую технику нашу облазить успел. Так вот, протиснулся он и говорит:

– Как бы это, товарищ, хотя бы вот этот пресс в работе посмотреть. Очень уж техника хорошая. Нам такая тоже ведь вот так нужна.

Я снова посмотрел на часы и с сожалением ответил:

– Понимаю ваше желание, но экскурсия уже закончилась. Поэтому едва ли смогу вам чем-то помочь... Вы когда к нам в следующий раз приедете?

– Да уж года через два-три, не меньше, – вздохнул он.

– Вот, вот, – обрадовался я этому ответу. – Тогда, может быть, и увидите всю эту прекрасную технику работающей.

И про себя почему-то вдруг уверенно подумал: «Не раньше».

1983 г.

Раствор для рыб

Лицо нашего начальника товарища Лепесткова было чрезвычайно озабоченным. Он быстро вошел в наш кабинет и начал без предисловия.

– Только что от самого Петра Сидоровича, – окинув быстрым взглядом всех инженеров нашего отдела, сказал он и для пушей убедительности указал пальцем куда-то вверх. – Ожидается очень большая и солидная комиссия по комплексной проверке нашего предприятия. Нам поручено внести свою посильную лепту в подготовку к этому событию.

– Любопытно, – заинтересовался Котелков, убирая со стола все деловые бумаги и концентрируя внимание на нашем начальнике. – Только что тут готовиться, я не понимаю. У нас и так все в порядке. Да и самой комиссии интересно было бы узнать подлинное, объективное состояние дел на нашем предприятии. Ведь кому мы в конечном итоге будем замазывать глаза? Только самим себе.

– Вы, Котелков, рассуждаете как молодой специалист, вчера покинувший стены института, где вас пичкали теориями, не заботясь об их практическом применении, – отрезал Лепестков и посмотрел нашему товарищу в глаза. – Знаете, я совершенно не удивлюсь, если в недалеком будущем вашу единицу сократят.

Надо было видеть, как пригнули Котелкова к рабочему столу эти спокойные слова нашего шефа. Он тут же снова достал все бумаги, разложил их перед собой и углубился в работу.

– Вот, это уже лучше, – заключил Лепестков и снова обратился ко всем нам, не поднимающим голов от своих чертежей. – Так вот, нам поручено несколько необычное дело – развести рыбу в пруду, который соорудят в ближайшее время перед зданием административного корпуса. В утвержденной программе работы с

комиссией предусмотрена рыбалка на территории нашего предприятия для усиления психологического воздействия на проверяющих. Предупреждаю заранее: задание сложное, так как заполняться пруд будет тем, что мы сливаем в озеро за городом. Необходимо будет провести серию экспериментов, результаты которых и будут внедрены в пруд.

– Интересно, а почему именно нам поручено такое задание? – подумал вслух умный Ершов. – Мы с рыбой вроде никак не связаны.

– На нашем предприятии никто напрямую с этим не связан, – пояснил Лепестков. – Поэтому и поручили нам – отделу, который уже давно доказал всем свою предприимчивость и умение находить нестандартные решения в самых безнадежных ситуациях. Вспомните, как Поливинилов выкрутился с приезжавшей к нам экскурсией по новой технике...

Разумеется, после этих слов шефа я мысленно пожал себе руку.

– Лабораторное оборудование будет предоставлено для экспериментов с завтрашнего дня, – добавил наш начальник. – Первая проверка полученных результатов – через неделю.

...Через семь дней товарищ Лепестков пришел к нам с кем-то из заместителей Петра Сидоровича. Вид у них был строгий, но доброжелательный.

– Ну, как? Покормите нас рыбкой? – улыбнулся наш шеф, хлопнув по плечу Кошкина, записывающего в журнал наблюдений количество всплывших вверх животом рыбок в первом экспериментальном аквариуме.

– Пока придется немного поголодать. Иван Николаевич, – в тон ему ответил Кошкин. – Рыба какая-то странная нынче пошла. Гибнет как миленькая.

– Это она никак пока к нашим условиям не приспособится, – пояснил подошедший с новой партией мальков умный Ершов. –

Правда, третье поколение держится в водной среде будущего пруда уже на сорок секунд дольше первого. Правда, у части из них – по две головы, а у другой части – по два хвоста. Так что надежды на успех уже просматриваются.

– А где сама эта водная среда? – поинтересовался заместитель Петра Сидоровича. – Хотелось бы увидеть ее поближе.

– Можете взглянуть вон в том аквариуме, – указал Ершов. – Только будьте крайне осторожны. Постарайтесь не капнуть на руки.

– И берегите глаза, – подсказал Кошкин. – У нас условия эксперимента особенные – максимально приближенные к обстановке обычного промышленного производства.

Заместитель Петра Сидоровича все-таки не удержался и зачерпнул содержимое аквариума металлической кружкой. Несколько капель попали ему на пиджак. Ткань зашипела и через секунду в ней образовалось несколько дырочек.

– Как же это вы так? – воскликнул Котелков, отрываясь от колбы с икрой четвертого поколения рыбок-мутантов. – Мы же вас предупреждали...

– Ничего, лес рубят – щепки летят, – молодежато ответил заместитель Петра Сидоровича и, подзвав к себе Лепесткова, произнес. – Вижу, ваши люди – на пути к успеху. Но времени очень мало. Да и будут ли гарантии, что новый вид рыбы можно будет использовать на уху членам комиссии?

– Трудно давать какие-то гарантии, пока экспериментальная проверка еще на закончилась, – неопределенно пожал плечами Лепестков. – Хотя вот эти – с двумя хвостами – выглядят очень аппетитно.

– И все-таки мы должны предусмотреть вариант с несъедобностью полученных результатов. Поэтому подготовьте мероприятия по организации отлова рыбы из ближайшего озера за

городом во время пребывания комиссии министерства на нашем предприятии. Ловить рыбу проверяющие будут в нашем пруду, а в уху забросим ту, которую поймаете в озере, – отдав эти указания и обрадовавшись такой хитроумной затее, заместитель Петра Сидоровича удалился.

Лепестков повернулся ко мне.

– Поливинилов, ты все понял?

– Все, – чистосердечно признался я, осторожно оставляя в покое пробирки с соединениями серной кислоты. Моя задача в этом эксперименте заключалась в приготовлении раствора, аналогичного водной среде будущего заводского пруда.

– Тогда подготовь все необходимое для выполнения поставленной задачи. Ответственным за операцию «Озеро» я назначаю тебя, – сказал Лепестков и развернулся, чтобы уйти.

– Так ведь мы в это озеро уже который год сбрасываем все свои жидкие отходы производства, – остановил я его. – Представляете, что там делается, если трава на берегу не растет.

– Товарищ Поливинилов, приказы вышестоящего начальника не обсуждаются, а выполняются, – назидательно заметил Лепестков. – И пусть вас ничто не волнует. Вы же не будете эту рыбу есть? Верно?

– Верно, – согласился я и сморщился от боли. Капля раствора для рыб из пробирки все-таки упала мне на левый ботинок. И тот не смог спасти меня от кислотного ожога...

1984 г.

Рационализация

Начальника цеха Граненого аспирант Внедряев застал на рабочем месте уже после окончания рабочего дня. Тот сидел заваленный кучей бумаг, устало поглядывал на часы и на постепенно темнеющее за окном небо.

– Помните меня, товарищ Граненый. Моя фамилия Внедряев. Я у вас на практике три года назад работал, – аспирант подошел поближе, чтобы его можно было рассмотреть. – Я тогда на втором участке был. Очень мне у вас понравилось. И вот тему диссертации задумал по вашему цеху.

– На практике говоришь, – Граненый на секунду оторвался от очередной бумаги и задумчиво посмотрел на Внедряева. – Нет, не помню. Много тут вашего брата в нашем цехе перебывало. И все как ты, с идеями... Диссертация, говоришь... Это – хорошо. А у нас вот план горит... Это – плохо.

– Да вы посмотрите, какая у меня замечательная идея, – Внедряев быстро подскочил к начальнику цеха и расстелил перед ним лист ватмана. – Просто фантастические результаты могут получиться...

Граненый с некоторым сожалением отодвинул от себя все бумаги и уставился на чертеж. Заметив это, Внедряев начал с удвоенной энергией объяснять:

– Меня еще тогда, во время практики, смутило, что второй участок дает продукции меньше, чем мог бы давать при реализации всех внутренних резервов. Вы же знаете, что линия по обработке деталей установлена на нем вот таким образом. Основной ее недостаток – несовпадение скоростей обработки на разных участках. Вот здесь у вас деталей то и дело не хватает для нормальной загрузки оборудования, а вот здесь образуются чрезмерные заделы... В своей

диссертации в одном из разделов я предлагаю ввести в линию вот этот агрегат

Внедряев стал разворачивать еще один огромный чертеж:

– Это устройство я сконструировал таким образом, чтобы оно абсолютно безболезненно вписалось в линию обработки на втором участке. Посмотрите, какой великолепный результат мог бы получиться при внедрении этого новшества. Под агрегат требуется пять квадратных метров площади, но с его помощью производительность линии возрастет сразу в два раза...

При упоминании слова «площади» Граненый болезненно поморщился, а его рука машинально потянулась массажировать область печени. Начальник цеха сделал еще несколько глубоких вдохов с непродолжительной задержкой дыхания.

– Толковый ты парень, Внедряев. И голова у тебя работает. Честное слово, я бы тебя к себе взял, – сказав это, Граненый встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился у огромного окна, которое выходило прямо в цех. – Когда, говоришь, у нас на практике был?

– Три года назад, – бодро ответил Внедряев. – И все эти три года не выходит у меня из головы этот участок. Понимаете?

– Я-то, Внедряев, все понимаю, – сказал почему-то очень грустно Граненый и немного помолчал. – Знаешь, в чем главный недостаток твоей идеи? Что ты у нас был в цехе три года назад. Боюсь, что мы с тобою не сможем понять друг друга.

– Но почему? – удивился Внедряев, и ватман выпал из его рук. – Я сегодня снова облазил весь второй участок. Никаких изменений. Раньше, правда, было как-то просторнее.

– Вот именно – было, а сейчас яблоку негде упасть... Ты подойди сюда. Посмотри еще раз, – Граненый обвел рукою весь просматривающийся из окна цех. – Если найдешь здесь два метра

свободной площади, я тебе сейчас же экономический эффект наличными выплачу...

– Что же делать? – растерялся Внедряев.

– Э-эх, не за ту тему ты взялся, Внедряев, – Граненый отчески похлопал его по плечу. – Менять ее надо... Ты лучше какие-нибудь резиновые стены к промышленным зданиям придумай. Вот тогда любой начальник цеха скажет тебе спасибо...

Слушая это, Внедряев уткнулся лбом в стекло и очень скоро понял, что мечте его не суждено сбыться. Из цеха на него смотрел ошетилившийся парк станков, которые тесно прижимались друг к другу, словно соседи по коммунальной квартире, однажды собравшиеся все вместе на общей кухне.

1983 г.

Помощник

Началась эта история в нашем отделе еще на прошлой неделе. Внешне все было безобидно и даже как-то оптимистично. Пришел к нам начальник наш товарищ Лепестков и как-то так, не без иронии спросил:

– Что, товарищи инженеры, может быть, опять скажете, что зашиваетесь с планом, горите на работе?

– Вы абсолютно верно угадали наши мысли, Иван Николаевич, – не отрывая взгляда от своего кульмана, ответил за всех Кошкин. – Мы, действительно, зашиваемся и горим. А вместе с нами горит и план первого квартала.

– Это хорошо, что работы много, – задумчиво произнес Лепестков и добавил. – Вот мы вам работника одного и дадим в помощь. Идите знакомиться. Он здесь, в соседней комнате стоит. Сегодня только появился у нас.

Мы дружно выскочили встречать новичка и ... ахнули. В соседней комнате стояла приличных размеров электронно-вычислительная машина, подмигивавшая нам своими многочисленными разноцветными лампочками.

– Как вам нравится такой помощник? – спросил нас Лепестков и, не дожидаясь ответа, заботливо погладил чудо техники. – Что же поручить тебе делать?

Машина робко засветилась экраном дисплея. Лепестков еще немного подумал и обратился к Ершову, нашему старшему инженеру:

– Давайте-ка сюда, товарищ Ершов, ваши сметы. Попробуем запустить их в машину.

Ершов сбегал за бумагами. И через несколько минут мы ахнули во второй раз: все было сделано с удивительной быстротой. На лице Ершова застыл ужас.

– Она же мою месячную программу в один заход кончила, – еле слышно прошептал он и еще тише спросил сам себя. – Чем же я теперь буду заниматься?

Следующей жертвой стал Кошкин. Машина с помощью автоматического графопостроителя в течение нескольких минут выдала нам оптимальный вариант сетевого графика.

– Вот вам и сбалансированный по всем показателям годовой план работы нашего треста с увязкой по объектам, – обрадовался Лепестков. – Быстро и экономично. Просто прекрасный помощник у вас появился, товарищи инженеры.

После этого он еще раз погладил машину и ушел к себе в кабинет. Мы остались наедине с нашим новым «работником».

– Думается мне, что эта новинка для нас – верный путь на овощную базу, – рассудил здраво Котелков, обойдя машину. – Она же всю нашу годовую программу за неделю чикнет. Вот и думай тогда, чем нас занять. А там и под сокращение попасть недолго.

– Логично, – подтвердил умный Ершов. – Надо, мужики, что-то решать. Нельзя нам сдаваться без боя...

– Есть у меня одна идея, – сказал Кошкин, разглядывая новенький сетевой график, выполненный машиной. Он достал из кармана обыкновенный гвоздь. Его решение было простым, как и все гениальное.

– Поливинилов возьмет у меня этот проводник электрического тока и дополнит им микросхемы этой установки, – в этот момент Кошкин даже улыбнулся, посмотрев на меня. – Даю гарантию, что после этого машинку нескоро приведут в рабочее состояние.

– Мне все ясно. Но почему это должен сделать я? – спросил я и съезжился под взглядами сослуживцев.

– Ты, Поливинилов, самый молодой из нас, – снова здраво рассудил Котелков. – Если тебе и влетит за это, у тебя еще будет

время начать все сначала. Тем более, что ты вообще – молодой специалист. Какой с тебя может быть спрос? Скажешь, тебя обращению с такой техникой не учили. Вот и недосмотрел.

– Логично, – подтвердил опять умный Ершов. – Только сделаешь это по сигналу. Надо немного выждать, чтобы все было логично...

За несколько последующих дней машина выполнила полугодовой объем работы нашего отдела. Ставить об этом в известность своего начальника мы, разумеется, не стали, убрав подальше от любопытных глаз полученные результаты. И вот позавчера, когда я загнал гвоздь в блок памяти машины, что-то внутри у нее вспыхнуло, и на экране дисплея вдруг возникли на несколько секунд слова: «За что?» Однако вскоре все было кончено.

Назавтра мы встретили Лепесткова гробовым молчанием.

– Как работает помощник? – спросил он и, чувствуя недоброе, заволновался. – Что с ним?

– Плохо дело, – жалостливым голосом ответил Кошкин и скорбно опустил голову. – Не выдержала машина напряжения наших производственных заданий. Сломалась вчера.

Здесь голос Кошкина стал крепнуть:

– А люди – держатся! И дальше держаться будем – до последнего гвоздя... Я хотел сказать – карандаша...

Честное слово, мы чуть не заплакали после этих слов. В ответ товарищ Лепестков только покачал головой и ушел. А сегодня нашего «помощника» увезли. Так мы с ним и не успели подружиться. Зато настроение у нас снова стало рабочим. А, значит, и инженерная мысль вот-вот забьет ключом...

1984 г.

Профессионал

Вызвали меня на днях в одну из наших трестовских комиссий отчитываться за экономию металла. Не помню, что меня тогда задержало, только прибежал я на комиссию, когда председательствующий, наш профсоюзный активист товарищ Перьевой, уже сказал вступительное слово и намеревался садиться.

– Хорошо, очень хорошо, товарищ Поливинилов, что вы пришли, – мгновенно сориентировался председательствующий. – Еще немного, и мы бы вас считали опоздавшим. А так – прошу сразу и начать свой отчет.

Я выхватил несколько бумаг из папки, что держал в руках, и стал, как говорится, резать по живому: чего в нашем тресте не хватает, какие несем огромные потери. Чувствую, получается у меня сегодня. Голос от волнения немного дрожит. Эти волнение и дрожь невольно передаются моим слушателям. Вижу, начинают и они проникаться остротой проблемы. Кое-кто покрывается пятнами. А я привожу еще более красноречивые цифры и факты нашей нерадивости, бесхозяйственности, преступной халатности в отношении к металлу. Словно опытный оратор, вскрываю недостаток полностью и своим анализом всю его сущность присутствующим показываю: да за такой перерасход, за такое использование ценных материалов гнать надо в шею многих специалистов нашего треста!

Дошел до половины своего выступления и мысленно пожал себе руку. Давно такого внутреннего подъема от собственного публичного появления не испытывал. Стал переходить к критике конкретных виновников сложившегося крайне тяжелого, даже катастрофического положения с использованием металла. Все присутствующие прямо вперед подались: так я всех увлек мощью своих аргументов, а, главное, наглядностью приведенных фактов.

Вдруг краем глаза замечаю, как председательствующий несколько раз по мне взглядом «стрельнул», встал и, слегка закашлявшись, сказал:

– Прошу прощения, товарищ Поливинилов. Я забыл, а вернее, не успел вас познакомить с нашими сегодняшними гостями из вышестоящей организации. Но думаю, это очень хорошо, что вы подошли к своему выступлению критически, проблемно. Именно так принципиально и надо бороться с имеющимися недостатками. Правильно я говорю?

Товарищ Перьевой кинул настороженный взгляд в сторону гостей. Товарищи из вышестоящей организации солидно, сдержанно закивали в ответ, соглашаясь с этими словами. А меня словно обухом по голове хватили. Это же надо так опростоволоситься! Посмотрел ошарашенно на угрюмые физиономии своих коллег по работе и все понял – влип по самые уши! Вот что значит на ответственные заседания опаздывать. Так мне досадно в этот момент стало – столько вдохновения в свое выступление вложил, а выходит, что совсем не в ту сторону меня понесло. Чуть не выругался, честное слово. Но быстро взял себя в руки. Чего на производстве не бывает. Надо в любом случае оперативно находить выход из неблагоприятно складывающейся ситуации. Поэтому незаметно достал из папки еще несколько листков и, выдавив из себя подобие дружеской улыбки, сказал:

– Как видно из приводившихся здесь фактов и цифр, можно с полной уверенностью сказать, что резервы в нашем тресте в деле экономии металла существуют еще немалые. Но уже многое сделано по их практической реализации, всестороннему использованию. Это и значительная работа по повышению творческой активности наших производственников, и охват соревнованием большинства работающих, и...

Когда я закончил говорить, пот с меня лился рекой. Но я уже не обращал на это внимания. Правда, настроение мое к концу выступления заметно улучшилось. Особенно это произошло после слов:

– Успехи наши, товарищи, налицо. Думаю, что опытом нашего треста по экономному использованию металла могли бы заинтересоваться многие, – сказал я и выразительно посмотрел сначала на товарищей из вышестоящей организации, которые что-то быстро записывали себе в блокноты, потом – на председательствующего: он укладкой показал мне большой палец не занятой писанием протокола руки.

...После окончания заседания комиссии товарищ Перьевой подошел ко мне.

– Ну, брат, не ожидал. Я ведь уже подумал, что все погибло, – он похлопал меня по плечу. – А ты, молодец! Просто профессионал звонкой фразы.

– Работа у меня такая, – ответил я, смахивая пот со лба. – А о возможных гостях, товарищ Перьевой, надо предупреждать заранее. А то ведь так и до инфаркта недалеко.

– Принимаю твою критику, – примирительно сказал в свое оправдание Перьевой. – Понимаешь, больно уж неожиданно свалились они на нашу голову...

1984 г.

Талант

Честно говоря, я всегда с искренней симпатией относился к специалистам в сфере управления. Что бы там ни говорили, а для умелого руководства процессами производства надо обладать целым набором качеств, в числе которых терпение, железная выдержка и хладнокровие – преобладающие. Недавно я еще раз укрепился в этом своем мнении. Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Случилось это несколько дней назад. Сразу после начала работы, когда мы уже сидели за своими столами, погруженные в творческий процесс проектирования новых узлов, к нам по своему обыкновению заглянул товарищ Лепестков, наш начальник, чтобы проверить рабочее состояние каждого инженера. Прошелся между столами, задал несколько контрольных вопросов. И в этот момент открывается вдруг дверь в наш отдел и на пороге появляется мужчина средних лет с папочкой в руках. Окинул нас быстрым взглядом и спрашивает:

– Кто у вас, товарищи, занимается кадровыми вопросами?

Мы, разумеется, ни слова. Головы от своих проектов не поднимаем, только краем глаза наблюдаем за своим начальником. Тот слегка нахмурился. Оторвался от чертежа Кошкина и говорит:

– А вас, собственно, что интересует конкретно?

– Хочу устроиться в вашу контору на работу, – напористо ответил вошедший, чутьем распознав в товарище Лепесткове нашего начальника. – Моя фамилия Наподхватов.

– Хорошее желание и фамилия подходящая, – одобрил Лепестков и поинтересовался. – На какую же вы должность думаете у нас претендовать?

Наподхватов несколько секунд помолчал, очевидно, собираясь с духом и мыслями. Затем едва ли не шепотом спросил:

– Говорить можно здесь или у вас в кабинете?

– Можно здесь, – покровительственно сказал Лепестков. – У меня от сотрудников тайн нет. И вообще, многие вопросы мы решаем коллегиально. Не правда ли, товарищи?

В этот момент у Котелкова почему-то сразу покраснели уши. Ершов, поперхнувшись на вздохе, начал сморкаться. Кошкин дрожащей рукой полез за сигаретой. И только я одобрительно закивал головой, что не прошло мимо внимания Лепесткова. Я мысленно пожал себе руку.

– Хорошо. Здесь так здесь, – Наподхватов подошел к нашему начальнику и, пристально глядя ему в глаза, сказал металлическим голосом. – Могу занять в вашей конторе пост руководителя любого масштаба и ранга. Скажем, вашего заместителя.

Изображать работу после этих слов мы, разумеется, уже не могли. Незнакомец вызывал живой интерес к себе. И мы откровенно уставились на него. Лепестков спокойно выдержал довольно длительную паузу, после чего спросил:

– Чем же вы можете аргументировать свое предложение? Ведь чтобы руководить, необходимо иметь талант. Думаю, вы согласитесь с утверждением, что процесс управления имеет много общего с творческим процессом.

– Это – вне всякого сомнения, – ответил Наподхватов. – Что касается таланта, то он – налицо. А вот официальное подтверждение этого.

Незнакомец раскрыл папку, которую до этого вертел в руках, и достал оттуда аккуратно сложенный лист бумаги.

– Что это? – едва ли не вскричал пораженный Кошкин, который на протяжении последних нескольких месяцев активно давал понять всем, что обладает определенными достоинствами в вопросах

управления, то и дело поглядывая на пустующий кабинет заместителя начальника нашего отдела.

– Это – медицинская справка, – с чувством некоторого превосходства ответил уже всем нам Наподхватов. – В ней подтверждаются некоторые мои достоинства. Например, умение без приступов сна и зевоты сидеть на совещаниях по восемь и более часов подряд. При этом у меня практически не снижается крепость голоса. В самой критической по сонливости ситуации я могу уверенно произнести: «Только что в выступлении предыдущего оратора прозвучало несколько интересных мыслей. Правда, мне трудно сразу оценить подлинное значение этих предложений. Для этого необходимо время – несколько недель, чтобы детально все проработать». Другой важный фактор – осанка. Спина у меня не гнется уже давно, о чем и свидетельствуют медики. Так что на меня в любой производственной ситуации приятно будет посмотреть, даже при невыполнении квартального задания.

Сказав это, Наподхватов продемонстрировал свои достоинства на практике. По крайней мере, по его осанке чувствовалось, что он говорил правду...

– Мне, действительно, нужен заместитель, – медленно произнес Лепестков, задумчиво глядя на незнакомца.

Кошкин после этих слов заметно расправил плечи и попытался придать своему сгорбленному положению за рабочим столом какое-то подобие солидности.

– Заместитель мне нужен, – повторил все так же медленно Лепестков, – И в вас, товарищ Наподхватов, действительно, кое-что для этой должности есть...

Теперь мы старались не смотреть на Кошкина, который стал едва различим за своим столом.

– Хорошо, я подумаю, – добавил наш начальник, посмотрел на часы и заторопился. – У меня сейчас совещание. Вызывают на оперативку. Кстати, будут обсуждаться вопросы оптимизации управленческого труда. Так что подождите меня. Приду и что-нибудь решим.

Наподхватов в согласии кивнул головой, и начальник скрылся за дверью. Мы снова уткнулись в свои чертежи, переживая за Кошкина, который с откровенной ненавистью смотрел на незнакомца. Наподхватов, чувствуя наше состояние, не стремился завязать с нами разговор. Восклицательным знаком он застыл на стуле, полностью настроившись на созерцание потолка в нашем отделе. Нечто похожее произошло и с Кошкиным, который, отодвинув чертежи в сторону, уперся взглядом в давно некрашеный пол.

Так прошло несколько часов. Мы с Ершовым и Котелковым сходили на обед, обсудили ситуацию, взвесили шансы сторон. Но в отделе снова замолчали: с потенциальным начальником надо быть вдвое осторожнее, чем с реальным шефом. Претенденты сидели не шелохнувшись.

За пять минут до конца рабочего дня Наподхватов вдруг стал подавать признаки беспокойства. Посмотрел на часы, потерял спиной о косяк стула, вытер пот со лба. Наконец, не выдержал, встал и затекшими ногами прошелся по комнате. Кошкин сохранял олимпийское спокойствие.

– Может, он забыл, может, его уже не будет, – бормотал себе под нос Наподхватов. – Ну, и конторка. Так всю жизнь можно без толку просидеть. Это черт знает, что!

С этими словами он внимательно осмотрел нас, мумиями застывших на своих рабочих местах. Затем снова бросил взгляд на часы.

– А чего вы сидите, мужики? Рабочее время уже закончилось, – Наподхватов попытался дружески улыбнуться, но улыбка быстро сползла с его лица, наткнувшись на наше суровое молчание.

– Ценю в коллективах монолитность, – сказал он минут через сорок. – Жаль, что я не с вами.

После этого он, аккуратно сложив медицинскую справку, подхватил свою папку и выскочил из отдела.

– Восемнадцать часов пятьдесят две минуты, – бесстрастно зафиксировал умный Ершов. – Чистое ожидание – девять часов двадцать две минуты.

– Неплохой парень, но слабак, – констатировал Котелков.

В этот момент в отделе снова появился наш начальник. Вид у него после совещания по вопросам оптимизации управленческого труда был немного усталый, но голос оставался бодрым и жизнерадостным.

– А где же наш талантливый друг? – спросил он.

Мы промолчали и невольно посмотрели на Кошкина, который, выразительно изучая Лепесткова, разомкнул онемевшие челюсти:

– У него справка фальшивой оказалась. Хотел надуть вас, Иван Николаевич, да не вышло. Не подходит он нам.

– Это точно, – согласился с ним Лепестков и вздохнул. – Требования у нас на этот счет очень жесткие. Не каждый выдержит. Здесь талант нужен.

И он похлопал Кошкина по плечу.

1984 г.

Комиссия

Выпроводив очередного посетителя, Лепестков потянулся за своим рабочим столом, посмотрел в окно, где уже плясала ранняя весна, и с сожалением покачал головой – вот так за бумажками вся жизнь и проходит. Но тут дверь к нему в кабинет снова отворилась, и он, сконцентрировав волю, посмотрел на вошедшего крупного – косая сажень в плечах – старика.

– Вы ко мне? – не без интереса спросил Лепестков, разглядывая колоритного посетителя и прикидывая, какая из инстанций могла прислать такого проверяющего.

«Наверное, из сектора социального обеспечения. Там пенсионеров любят привлекать как внештатных инспекторов», – решил для себя Лепестков, продолжая наблюдать за вошедшим.

– К тебе, к тебе, – ответил могучий старик, затаскивая в кабинет из коридора несколько здоровенных баулов.

– Что значит, «к тебе»? – вскипел Лепестков, почувствовав нарушение субординации в словах посетителя. – Здесь вам, товарищ, государственное предприятие, а не частная лавочка. Так что просил бы не «тыкать». ... Несмотря на разницу в возрасте... Я нахожусь все-таки при исполнении служебных обязанностей. Скорее выкладывайте, что у вас там, и не превращайте мой кабинет в камеру хранения... Вы с проверкой?

– Совсем зашился...Ишь, нервный какой стал, – покачал головой посетитель, и в его глазах засветились искорки смеха.

Он скользнул взглядом по стенам кабинета, по развешанным всюду графикам работы, экранам соревнования и добавил:

– Да, с проверкой... Решил вот посмотреть, все ли у тебя здесь в порядке. Говорят люди, что не все у тебя ладится так, как надо.

– Это по металлу, что ли? – спросил Лепестков и прямо подскочил на стуле. – Но ведь все справки с подробным анализом я уже отдал предыдущим двенадцати комиссиям. Сколько же можно плодить ненужные бумаги? Когда, наконец, у меня появится возможность спокойно работать, заниматься выполнением доведенного задания? Разве это в человеческих возможностях принять двенадцать комиссий за месяц?

Голос Лепесткова стал срываться, но он решил выплеснуть все накопившееся этому посетителю, лицо которого ему показалось чем-то знакомым, а в глазах виделось желание выслушать все, что ему скажут:

– Это бесчеловечно, в конце концов, – плодить бесконечные комиссии, которые изматывают и меня, и моих сотрудников постоянными придираками, подозрениями, проверками второстепенных деталей, показателей работы...

Силы стали покидать Лепесткова, но он все-таки успел вытащить из своего рабочего стола папку с бумагами и бросил ее посетителю.

– Я знаю, вас меньше всего трогает это мое лирическое отступление, – добавил Лепестков слабеющим голосом. – Возьмите. Здесь все данные по отходам, по расходам, по приходам, по уходам...

И он замолк, в исступлении закрыв глаза.

– Да, правду мне говорили... Совсем ты в этих стенах очумел, – сказал посетитель и, подойдя вплотную к Лепесткову, легко вытащил его одним движением из-за стола.

– Товарищ, что вы делаете? – попытался вырваться из рук посетителя Лепестков, но все было бесполезно. Могучий старик приблизил его, беспомощно болтающего ногами в воздухе, к своему лицу и мягко сказал:

– Из деревни я приехал к тебе, дурья твоя башка. Проверить, как ты тут живешь. А ты отца родного не узнаешь, что ли? Совсем уже свихнулся за своими справками, да комиссиями. А я тебе гостинцев привез.

– Батя! – узнавая знакомое лицо, только и смог выдать из себя Лепестков, засопел носом и уткнулся в грудь старика. – Что же ты сразу не сказал? Да и секретарше – ни слова...

– Ну, ты даешь, шпингалет! – раскатисто рассмеялся Лепестков-старший. – Может, мне еще табличку на себя повесить?

– Батя, ты не обижайся. Я за день здесь так накручиваюсь с проверяющими, зверем становлюсь, на людей бросаюсь.

– Да, я уже и сам это вижу, – добродушно ответил Лепестков-старший. – Проверяло бы мою кузницу столько людей да комиссий, я бы ее вообще закрыл. За ненадобностью. Когда же работать?

– Тебе легко говорить, – задумчиво произнес Лепестков-младший. – Ты перед людьми своими конкретными делами отчитываешься. А вот попробуй бумажными показателями о работе отчитаться? Это, батя, такие разные вещи, что трудно в это даже поверить...

1984 г.

Микрофон

Скажу откровенно: очень я люблю бывать на разных торжественных совещаниях, собраниях, чествованиях. Люблю за атмосферу какой-то необыкновенной приподнятости, за ощущение праздника, который всегда на таких мероприятиях ощущается. И тогда самому на душе становится так легко и радостно, что хочется петь, веселиться, чувствовать себя счастливым.

Надо сказать, что об этой моей слабости знают все мои знакомые. И поэтому всегда по возможности зовут меня на подобные торжества разделить с ними радость по тому или иному поводу.

На днях пригласил меня сосед мой Макушкин побывать с ним на одном таком собрании. А дело было в том, что продукции, которую выпускает предприятие, где он работает, присвоили высшую категорию качества. Событие это, сами понимаете, далеко не рядовое, из ряда вон выходящее. Я, конечно, согласился пойти...

Пришли мы с Макушкиным в огромный, празднично украшенный зал. Людей полно. И все – красивые, на лицах – улыбки. Сели мы на свои места и стали смотреть, что будет.

Здесь их начальник, товарищ Козлокранов, вышел на трибуну и начал говорить в микрофон:

– Далеко не каждый год, товарищи, приходит к нам такой успех. Это свидетельствует, прежде всего, о степени сложности той задачи, которую мы все-таки решили, добились своего. Хотя было нелегко.

Зал дружно зааплодировал, а Козлокранов после паузы продолжил:

– Было даже трудно, ибо о приезде аттестационной комиссии мы узнали в самый последний момент. Но мы успели подготовиться в минимальные сроки. За это честь нам и хвала...

Теплые слова благодарности трепетными птицами разлетались по залу. Я даже закрыл глаза, настолько мне было это приятно. Макушкин, тот вообще просто светился от счастья, изредка поглядывая на меня. Мол, знай наших. Честно говоря, где-то в глубине души я ему по-хорошему завидовал. Все-таки в этом успехе коллектива был и его достойный вклад, заведующего столовой. А Козлокранов продолжал говорить:

– Товарищи, слова очень глубокой благодарности я хочу адресовать сейчас, прежде всего, членам аттестационной комиссии. Ведь это именно они, несмотря ни на что, сумели достойно оценить нашу продукцию. Очень приятно, что мы можем поприветствовать их. Они находятся в этом зале...

Все, разумеется, снова дружно зааплодировали. Особенно старался Макушкин. Чуть все ладони не отбил.

После этого товарищ Козлокранов сказал что-то вкратце о внутренних резервах, которые предприятие ввело в действие, чтобы обеспечить высокое качество продукции, и предоставил слово председателю аттестационной комиссии. Тот мутным взглядом обвел собравшихся и сказал:

– Ваш праздник – это и наш праздник.

Немного подумав, он добавил:

– Да, нам было нелегко. Но мы сделали все, что могли. Мы позаботились о том, чтобы ваша замечательная продукция...

В этот момент микрофон захрипел, засвистел и через несколько секунд вообще умолк. Мы перестали слышать выступающего. Но общий эмоциональный заряд аудитории был настолько сильным, что в ответ на отказ техники зал разразился новыми аплодисментами.

Радуюсь и хлопая вместе со всеми, я наклонился к самому уху Макушкина и спросил:

– Слушай, старик, а что вы выпускаете?

Тот распрямил плечи и гордо ответил:

– Микрофоны!

В этот момент аплодисменты усилились, так как товарищ из аттестационной комиссии стал что-то вручать Козлокранову. И едва ли кто-то из присутствующих заметил, что мои хлопки постепенно становились все жиже и жиже...

1984 г.

Авария

По всему чувствовалось, что старший мастер Мигреньев с трудом сдерживал огромное волнение. Срочно собрав коллектив нашего участка в красном уголке, он слегка срывающимся голосом объявил, помахивая какой-то бумажкой над головой:

– Товарищи, хочу сделать вам важное сообщение. Только что к нам на завод поступила телеграмма от геологов. У них там где-то произошла какая-то авария. Они обнаружили огромные залежи нефти. И весь ее поток устремился сейчас в ствол земной коры, выходящий на территорию нашего цехового склада. По расчетам специалистов, у нас в запасе еще несколько часов. Товарищи, надо спасать народное добро. Необходимо в самые сжатые сроки перебазировать сложенную там продукцию в более безопасное место. Словом, объявляю «чрезвычайное положение» на нашем участке. Все ли понимают серьезность и срочность предстоящих действий в аварийной обстановке?

– Да что там понимать, дело надо скорее делать, – выкрикнул с места наш бригадир Савушкин. – Природа, она ведь нас ждать не будет...

И мы всем скопом устремились на цеховой склад. Быстро прикинули, куда переложить детали и узлы. Еще быстрее отремонтировали два подъемных крана, сломавшихся больше месяца назад. Рабочая смекалка подсказала нам, как лучше организовать транспортный конвейер в опасной зоне.

– Быстрее, быстрее, соколы мои, времени в обрез, – приговаривал Мигреньев, поглядывая на часы.

Но никого подгонять не пришлось. Работали мы без перерыва практически две смены. Никто не ушел домой, пока последний винтик

не был переброшен в безопасное место. Лишь в бытовке мы почувствовали, как здорово устали.

– Мужики, что у вас сегодня стряслось? – спросил, заглянув к нам, начальник соседнего цеха товарищ Граненый. – Стихийное бедствие, землетрясение, что ли?

– Почти угадали. Но вы это лучше у старшего мастера нашего спросите, – ответил за всех Савушкин, растирая наработанную поясницу. – Он вам телеграмму про нефть покажет.

...Увидев любопытного, Мигреньев сразу приложил палец к губам и отвел Граненого подальше от бытовки.

– Дело в том, что надо было самым срочным образом освободить площади под строительство нового корпуса. Полгода вопрос решить не могли. До сих пор бумаги по этому поводу где-то по кругу ходят. А здесь строители уже колонны с фундаментными блоками завозить стали. Обложили нас ими, как стаю волков красными флажками. Вот и пришлось выход искать в объявлении чрезвычайного положения. Зато теперь – нет проблем, – и он показал рукой на полностью освобожденную для строительства площадку.

– А что за телеграмма про нефть? – спросил заинтересованный и заинтригованный Граненый.

– Да, это брат прислал на днях. Он у меня геолог. Недавно их экспедиция крупное месторождение в Сибири обнаружила. Это меня и натолкнуло на мысль об аварийном выбросе.

– Любопытный опыт, – почесал затылок Граненый. – Что бы это нам такое придумать, чтобы у себя на складах порядок навести?

Мигреньев неопределенно пожал плечами.

– Слушай, а тебе брат ничего про месторождения газа не писал? – с надеждой в голосе после долгого молчания спросил Граненый. – Может, с ним тоже аварии случаются?

– Трудно сказать, но попробовать можно, – уверенно ответил Мигреньев. – Любим мы в чрезвычайных обстоятельствах свой крепкий характер показывать, а на будни его не хватает. Я это уже давно заметил.

– Тогда обязательно попробую, – сказал Граненый и побежал в свой цех.

1984 г.

Несостоявшийся выговор

Уже с утра было ясно, что надо мною сгустились тучи. Вскоре после начала рабочего дня к нам в кабинет зашел наш начальник товарищ Лепестков. Окинул всех внимательным взглядом и остановился на мне:

– Оказывается, вы тоже иногда работаете, Поливинилов?

– Естественно, – холодно отозвался я.

– А мне, судя по качеству ваших проектов, кажется, что вы приходите сюда отдохнуть, – язвительно заметил Лепестков. – Вы знаете, что ваши чертежи заказчик забраковал. И сейчас вы поставили весь наш отдел в нелегкое положение накануне подведения итогов социалистического соревнования.

Я лениво качнул головой и глубокомысленно изрек:

– Не ошибается тот, кто ничего не делает.

– Действительно, лучше бы вы ничего не делали, – в сердцах бросил наш шеф. – Меньше было бы хлопот сейчас. Наделали кучу элементарных технических ошибок. Вы просто позорите звание инженера. Как вам не стыдно? Где ваша профессиональная гордость? В конце концов, чем вы думаете на работе? Когда вы начнете, наконец, отвечать за свои дела?

Высыпав на мою голову град этих неприятных вопросов, товарищ Лепестков вплотную подошел ко мне, размахивая руками. От собственных слов он раскраснелся и разгорячился.

Я очень спокойно и с безучастным видом посмотрел ему в глаза. Это немного удивило нашего шефа.

– Что это вы, Поливинилов, так спокойно реагируете на мою критику? – спросил он. – Раньше этого за вами не замечалось. Я ведь с вами не шулки шутить собираюсь... Вот проект приказа, который я

думаю сейчас подписать, – об объявлении вам выговора за халатное отношение к работе.

И он достал откуда-то небольшой лист бумаги.

– Выговор, говорите, – слегка улыбнулся я, но затем мой голос налился металлом. – А вы знаете, товарищ Лепестков, что меня по профсоюзной линии включили в комиссию по контролю за вашей управленческой деятельностью. И на ближайшем заседании мы будем очень внимательно анализировать стиль вашей работы с людьми. Боюсь, что ваши положительные качества останутся в меньшинстве. Посмотрите на себя: разве можно таким тоном разговаривать с дипломированным специалистом? А до чего вы себя довели собственными риторическими вопросами? На вас смотреть страшно. Разве в состоянии вы сейчас принять оптимальное управленческое решение? Да никогда! Эмоции захлестывают вас. И мне, как члену комиссии, скажу откровенно, больно и не очень приятно видеть вас таким распоясавшимся в общении с подчиненными. Мне будет очень трудно защитить вас на предстоящем заседании нашей комиссии. Да, вы – руководитель, вам дана немалая власть. Так распорядитесь же ею как следует, а не как бог на душу положит... Работайте пока...

Честно говоря, сам не ожидал, что мои слова произведут на шефа такое впечатление. В конце концов, надо же мне было как-то защищаться от его упреков.

Выйдя из оцепенения, вызванного моим монологом, товарищ Лепестков свел брови у переносицы:

– Да, действительно, есть такая комиссия. И как это вы, Поливинилов, туда угодили?

– Мир не без добрых людей, Иван Николаевич, – с мифистофельской улыбкой ответил я. – Есть и такие, которые у других замечают не только недостатки.

– Да-а, – задумчиво протянул Лепестков. – Деловой вы у нас, оказывается, человек...

Не знаю, насколько я деловой, но буквально через несколько минут проект приказа об объявлении мне выговора за халатное отношение к работе превратился в жалкие клочки бумаги, которые немедленно полетели в урну.

А я ведь, чудак, даже упирался в свое время, когда меня выбирали членом этой комиссии. Не понимал, какое важное, а главное, полезное дело мне доверяют...

1984 г.

Как я прогуливал

Сегодня утром, вскоре после начала рабочей смены, подошел ко мне старший мастер наш, Мигреньев. Лицо, вижу, у него злое, брови нахмурил. Достал свою «черновую» записную книжку, посмотрел в нее и говорит:

– Знаешь, Поливинилов, пора с этим кончать!

– С чем? – не понял я.

– С прогулами, – Мигреньев полистал свою книжицу и добавил.

– В этом месяце у тебя знаешь их сколько?

– Знаю, – нехотя ответил я.

– И в прошлом месяце было не меньше, – сказал Мигреньев и очень внимательно посмотрел на меня. – Но вот почему ты прогуливаешь только в первой половине каждого месяца?

– Так ведь во второй работать надо, – смутился я.

– А почему и Федяев стал с тобою в те же дни прогуливать?

Посмотрел я здесь по сторонам и говорю шепотом Мигреньеву:

– Сказать правду?

Тот прямо рот от удивления открыл:

– Что вы там придумали?

– Понимаете, товарищ Мигреньев, – начал я объяснять. – Мы с Федяевым в соседний цех по совместительству устроились. Вы же знаете – у нас вся работа на участке после двадцатого числа начинается. А там, наоборот, все заготовки до двадцатого надо сделать. И к нам в цех передать. Раньше мы с Федяевым не знали, куда себя деть первые две-три недели. От домино уже стол в «курилке» протерся. А сейчас мы заняты весь месяц. Может, если бы не мы, так вы и после двадцатого заготовок бы не имели...

Вижу, как-то по-другому стал на меня Мигреньев смотреть.

– А вот вы вчера опять весь день простояли? – спрашиваю я его.

– Простояли, – угрюмо признался он.

– А я стоять без дела не могу, – признался я в свою очередь.

Задумался здесь наш мастер. Почесал подбородок и говорит:

– А, знаешь, Поливинилов, мне твоя мысль нравится. Я думал, ты бездельник, а на деле получается – рационализатор, каких поискать.

– Ну, уж вы скажете, – ответил я и покраснел.

– И скажу. Нам всем опыт ваш с Федяевым перенять надо. Может, тогда толк будет. Может быть, тогда порядок наведем в снабжении заготовками, – сказав это, Мигреньев уткнулся в свою записную книжку и стал в нее что-то лихорадочно записывать.

А потом снова посмотрел на меня:

– Мы завтра в цехе собрание проведем. Ты на нем должен будешь выступить. Слышишь? Обязательно выступишь!

– Можно и выступить, – согласился я. – Только бы дело от этого выиграло.

После этого мастер куда-то убежал, а ко мне сразу подскочил Федяев.

– Что это Мигреньев так переполошился? – спросил он. – Опять за прогулы воспитывал? Учил жить?

– Да, вроде как, наоборот все получилось, – ответил я, включая станок и уже обдумывая тему своего завтрашнего выступления...

1984 г.

Пусковой комплекс

Я пришел в отдел от нашего начальника товарища Лепесткова до предела загруженный чертежами.

– Что принес, Поливинилов? – спросил умный Ершов, следя за моими усилиями сложить все бумаги на своем рабочем столе.

– Это документация на установку технологического оборудования в новом пусковом комплексе, – отдышавшись, ответил я. – Поставлена задача: в максимально сжатые сроки пустить чертежи в работу. Проектировщики нас и так прилично задержали. Если бы мы на них не насели, как следует, еще и сегодня сидели бы с пустыми руками.

– Насели, говоришь, – с видом знатока произнес Ершов. – Знакомое дело. Только бы я, Поливинилов, не спешил эти бумаги пускать в дело. Им надо вылежаться, понимаешь?

– Ты в своем уме, Ершов? – возмутился я. – Тебе же человеческим языком сказали. Это – документация на пусковой комплекс. Объект в четвертом квартале надо сдавать. А там – в отношении монтажа нового оборудования и конь не валялся. Да и на последнем собрании актива слышал, что говорили. Ускорить темпы технического перевооружения предприятия. А ведь сократить сроки установки и ввода нового оборудования – это значит получить дополнительную экономию.

– Все верно, – согласился Ершов, но от своего не отступил. – И все-таки недельку я бы на твоём месте выждал.

– Недельку? – ужаснулся я. – Когда каждая минута дорога?

– Эх, Поливинилов, чувствуется в тебе юношеский максимализм вчерашнего выпускника высшего учебного заведения, – покачал головой Ершов. – А ты послушай меня, человека предпенсионного возраста. Таких объектов через меня прошло несколько десятков.

– В принципе, Ершов, ты у нас в отделе старший инженер. И в какой-то мере можешь мне приказать не пускать эти чертежи в дело, – стал вслух сообщать я.

– Вот именно, – подтвердил Ершов, – Я тебе скажу: моя интуиция меня еще никогда не подводила. Послушаешь меня – не пожалеешь.

– Ладно. Недельку потерплю, – согласился я. – Но ни одним часом больше.

...Через пять дней к нам приехал представитель проектировщиков. Вид у него был весьма расстроенный.

– Товарищи, могу я у вас забрать наши чертежи, – сказал он совершенно упавшим голосом.

– Конечно, нет, – отозвался первым умный Ершов, мельком глянув на рулоны, лежавшие на моем столе. – Они давно уже в работе. Монтируем по вашему проекту, товарищ, сложное, дорогостоящее и высокопроизводительное оборудование на пусковом комплексе. Сегодня пятый день пошел. Народ трудится с большим энтузиазмом, понимая важность задачи – сдать комплекс в четвертом квартале. Так что время у нас сейчас больших денег стоит.

Представитель проектировщиков схватился за голову, но успокоился очень быстро. И уже абсолютно ровным тоном изрек:

– Я понимаю, товарищи, как это вам будет и трудно, и накладно сделать. Но все монтажные работы на пусковом комплексе надо немедленно прекратить. В последний момент поступили принципиальные изменения проекта. И мне необходимо забрать всю документацию на доработку. Вот здесь у меня на это – письменное разрешение министерства, – он протянул Ершову папку, которую держал в руках.

– Любопытно, любопытно, – сказал тот, открыв бумаги. – Все верно. Разрешение у вас есть. Поливинилов, нагрузите товарища документацией.

Я сгреб со стола все рулоны и сунул их представителю проектировщиков. Тот искренне поблагодарил нас. И очень быстро исчез за дверью

– Ну, что скажешь? – хитро сощурившись, спросил Ершов

– Скажу, что с такой интуицией надо выступать на эстраде, демонстрировать психологические опыты, – восхищенно ответил я. – Это сколько ненужных дел мы бы за эти пять дней на пусковом комплексе могли натворить. Страшно подумать. И все было бы впустую.

– Вот именно, – подтвердил Ершов. – А ты – пусковой комплекс, пусковой комплекс...

– Кто же знал, что так получится, – попытался оправдаться я. – Нас этому в институте не учили.

– Ничего, – убежденно сказал Ершов. – Жизнь, брат, она всему научит...

1984 г

Робототехника

Если говорить откровенно, то началась эта история еще в прошлом году при паспортизации рабочих мест в механическом цехе. Мы тогда подсчитывали количество ручного труда на каждом участке. Хорошо помню, как пришел к нам сам начальник цеха товарищ Граненый и сказал:

– Очень я на вас надеюсь, ребята. А особое внимание хочу обратить на одну тяжелейшую технологию при выполнении сборки на третьем участке. Фамилия рабочего, который там занят, – Федяев. Трудно ему приходится.

Мы проверили слова Граненого и очень скоро убедились в их правильности. Федяев – парень здоровый. Огромная кувалда только мелькала в его руках. Подсчитали мы затраты его физического труда и просто за головы взялись. Тогда же и решили для себя – автоматизацию начнем с этого рабочего места.

Больше чем полгода готовили техническую документацию, «выбивали» соответствующее оборудование, еще дольше его налаживали, подгоняли под местные условия. Наконец, настал тот торжественный момент, когда мы с аспирантом Внедряевым, как авторы проекта автоматизации, пришли на участок к Федяеву. Тот был весь перемазан. Пот так и струился по его лицу. Но кувалда по своему обыкновению взлетала над головой Федяева, словно игрушечная. Мы хлопнули его по плечу и очень дружески начали:

– Все, товарищ Федяев, можете отправлять свою кувалду в отставку. Теперь вместо вас здесь будет работать робот, – объявил Внедряев.

– Это еще что за робот? – удивился Федяев.

– Поливинилов, объясни популярно товарищу, – попросил меня Внедряев, а сам попытался поднять кувалду. Ничего у него, конечно, не вышло. Только очки запотели.

Я сделал небольшой обзор современной робототехники, особо остановившись на важности ее внедрения в нынешних условиях дефицита рабочей силы.

– Значит, – резюмировал мое выступление Федяев, – я должен буду отсюда уйти?

– Точно, – подтвердил я. – Железный конь придет на смену крестьянской лошадке.

Федяев задумался. На его лице трудно было прочесть выражение радости. Нас это немного смутило.

– Что же это ты нам даже спасибо не скажешь? – удивился Внедряев. – Знаешь, сколько мы сил на этого робота положили. Это тебе, друг, не кувалдой махать.

– А чего радоваться? – угрюмо ответил Федяев. – Я здесь три сотни в месяц играючи имею. И никаких проблем. Нравится мне, когда за работу так платят.

– Так ведь труд у тебя тяжелый и физический, – попытался объяснить я.

– Ну и что? – довольно резко оборвал мои рассуждения Федяев. – Так ведь и деньги хорошие получаю. За такие можно и силу приложить. А сейчас что со мной будет? Куда же меня теперь?

– А ты иди руководить нашим роботом. Будешь только кнопки нажимать, – улыбнулся Внедряев. – Вот и вся проблема.

– Любопытно, – заинтересовался Федяев. – И сколько же я буду за ваши кнопки получать?

– Как в штатном расписании указано – сто двадцать рублей в месяц, – ответил Внедряев.

Услышав такую цифру, Федяев насупился. Но вскоре лицо его просветлело. Он поднял на нас глаза и с надеждой в голосе спросил:

– Товарищи инженеры, а нельзя ли мне вместо робота здесь остаться?

– Нет, дружок, нельзя, – убежденно сказал я. – Не хочешь быть оператором – твое дело. Наше дело – маленькое. У нас здесь по проекту технического перевооружения цеха должен стоять робот.

– Что же это такое? – возмутился Федяев. – Никто ничего раньше не говорил. И вдруг... Никуда я отсюда не уйду.

– Как это не уйдешь? – Внедряева даже передернуло от такого упрямства. – У нас есть план внедрения новой техники, а у тебя что?

Здесь Федяев посмотрел на свою кувалду и понял, что стоять на пути технического прогресса бессмысленно. Он опустил голову и так тихо-тихо спросил нас:

– Мужики, а если робот сломается, кто его заменит?

– Кто? Разумеется, ты, если будешь при нем оператором, – разъярил Внедряев.

– Вот это мне уже нравится, – обрадовался Федяев.

...С тех пор прошло несколько месяцев. Мы с Внедряевым получили полагающуюся нам премию за внедрение новой техники. Но, как мы потом узнали, через две недели после пуска наш робот сломался. Его долго ремонтировали. Потом он сломался еще и еще раз. И его снова долго ремонтировали. Но история снова повторялась. Наконец, вся эта «чехарда с «механическим другом» всем ужасно надоела. И его, недолго думая, задвинули подальше от чужих глаз. Самое удивительное, что все остались только довольны. Всем стало хорошо: и ремонтникам, и наладчикам, и оператору.

1984 г.

Конкурс

– Здравствуйте, дорогие радиослушатели! Мы начинаем наш репортаж с конкурса профессионального мастерства молодых рабочих механического цеха нашего завода. До начала трудового соревнования осталось несколько минут, так что у заводского радио есть еще время ближе познакомиться с условиями предстоящего соперничества.

Сегодня примут старт двенадцать молодых производственников. Особенность конкурса – в максимальном приближении условий его проведения к обычным, наблюдаемым в цехе каждый день. Это накладывает свой отпечаток на данное мероприятие. Многие из собравшихся здесь зрителей прогнозируют острую и бескомпромиссную борьбу. Но предсказать победителя не осмеливается, пожалуй, никто. Что ж, как говорится в таких случаях, – пусть победит сильнейший!

Наступает торжественная минута. Председатель жюри – начальник цеха товарищ Граненый – приветствует участников конкурса и желает им творческих успехов в предстоящем соревновании.

Молодые рабочие выстраиваются у места старта. Сосредоточенные лица, воля, собранная в кулак. Однако чувствуется и волнение. Это и понятно. Ведь им предстоят серьезные испытания. И первое из них – отыскать нужную заготовку в огромной горе деталей, которую, как мне здесь подсказывают, соорудили еще вчера вечером смежники из соседнего цеха...

Отрывисто звучит команда: «Начали!» И двенадцать пар молодых крепких рук буквально вгрызаются в кучу металла. Красивое зрелище! А я обращаюсь к одному из членов жюри, старшему мастеру Мигреньеву с просьбой прокомментировать начало конкурса.

– Приятно смотреть, с каким огоньком, необыкновенным энтузиазмом принялись участники конкурса за выполнение задания. Вообще, надо сказать, что ребят сегодня ждет немало неожиданностей. Думаю, что очень многое может проявиться уже на первом этапе. Наш ежедневный опыт показывает, что даже у рабочих с солидным стажем на поиск нужной заготовки уходит до полутора часов. Согласитесь, так и просится на язык сравнение привезенных на участок и сброшенных прямо у прохода между станками заготовок со стогом сена, в котором нужно отыскать иголку.

– Действительно, Степан Степанович, это – очень образное и точное сравнение. Продолжайте, пожалуйста...

– Да. Так вот, я хочу сказать, что на первом этапе многое будет зависеть от того, кому из ребят улыбнется фортуна. Знаете, так иногда бывает и у нас. Снимешь первый слой набросанных деталей и – глазам своим не веришь: лежит она целехонькая, нужная тебе заготовочка. Но это, повторяю, случай исключительный. Надеяться на него участникам конкурса, конечно, нельзя. От них требуется сейчас, прежде всего, кропотливая аналитическая работа. Ведь мало отбросить ненужную тебе заготовку. Важно ее отбросить на тот участок, где она должна обрабатываться. Так что голову им здесь придется поломать изрядно... Еще тяжелее придется ребятам на втором этапе – при поисках нужного инструмента. Здесь мы постарались поставить их полностью в наши обычные условия: инструментальная кладовая, разумеется, будет закрыта из-за отсутствия там необходимых приспособлений. Так что от молодых рабочих потребуются и смекалка, и определенная предприимчивость, чтобы выйти с честью из создавшегося положения. Ну, а дальше, пожалуй, все будет гораздо прозаичнее – обработка заготовки, проверка соответствия полученной детали чертежу. Словом, все это

дело техники. Здесь участникам конкурса будет, наверное, легче всего.

– Большое спасибо, товарищ Мигреньев, за столь обстоятельный ответ... Однако вернемся к событиям самого конкурса. Здесь уже определился лидер. Это – молодой рабочий Федяев. Что и говорить, незаурядную смекалку проявил он, обнаружив заготовку – где бы вы думали? – на соседнем участке в аналогичной куче металла. Удивительная все-таки интуиция у этого паренька. А посмотрите, как великолепно решил он проблему с инструментом – минимум потерь времени. «Свой инструмент всегда ношу с собой» – этого золотого правила придерживается молодой производственник...

Да, прав был старший мастер Мигреньев. Тот, кто сумел успешно пройти первых два этапа, и побеждает в конкурсе профессионального мастерства. Вы слышите, как мощно поддерживают чемпиона цеха многочисленные зрители: «Федяев – молодец! Он принес с собой резец!». Остальные участники еще продолжают бороться за призовые места. А я обращаюсь к председателю жюри товарищу Гранену с просьбой подвести предварительные итоги смотра молодых сил цеха. Пожалуйста...

– Несмотря на то, что конкурс еще в самом разгаре, можно смело сказать, что он нам удался. Взгляните, благодаря этому мероприятию мы практически навели порядок с хранением заготовок на первом участке. Надеемся также, что в ходе соревнования нам удастся точнее определить наши внутренние резервы с дефицитным инструментом. И вообще, думаем, сделать такие конкурсы доброй традицией цеха. Ведь у нас одиннадцать участков. И на каждом из них наши производственники хотят посоревноваться в силе, ловкости, находчивости. Словом, в том, что и отличает современного рабочего...

– Ну, что же. Мне остается от имени наших радиослушателей только поблагодарить вас за столь содержательный ответ... На этом, дорогие товарищи, мы заканчиваем наш рассказ об интересном и захватывающем соревновании в механическом цехе. Надеемся, что и вам, как и нам, понравилась бескомпромиссная и упорная борьба участников конкурса, развернувшаяся особенно возле двери закрытой инструментальной кладовой. Да, здесь победит сильнейший. Это вне всякого сомнения...

1984 г.

Премия за новую технику

Эту новость принес к нам в отдел Кошкин, которого с утра отправили по делам в бухгалтерию и к сметчикам. Через несколько часов он вернулся переполненный полезной информацией.

– Между прочим, у сметчиков сегодня – премия, – сказал он, усаживаясь за свой рабочий стол и натягивая нарукавники. – За внедрение новой техники.

– Как премия? А нам? – спросили в один голос Ершов и Котелков, сраженные неожиданным известием.

– А нам – дырка от бублика, – спокойно ответил им Кошкин. – В ведомости наши фамилии не значатся.

– Ну-у, это как-то нехорошо получается, – основательно подумав, сказал я. – Вроде в одной организации работаем, одну телегу тянем, а отношение к разным звеньям треста неодинаковое.

– Товарищ Поливинилов, перестаньте молотить чепуху, – посоветовал Кошкин. – Все равно ведь ничего уже не поправишь.

Несмотря на показное спокойствие, по всему чувствовалось, что и Кошкина больно задело случившееся. Он тоже не собирался отказываться от премии. Даже если бы и не заработал ее.

– Я думаю, что оставлять это дело так нельзя, – продолжил я свою мысль. – Надо идти к товарищу Лепесткову и ставить его в известность. Пусть принимает меры.

– Правильно, – поддержали меня Котелков и Ершов, а Кошкин только безнадежно махнул рукой.

Мы встали и, взволнованные своей решимостью отстоять привычный вид материального вознаграждения, двинулись в кабинет шефа.

Начальник отдела отнесся к нашему появлению настороженно, так как знал: поднять с насиженных мест его подчиненных могло лишь что-то из ряда вон выходящее. Однако виду не подал.

– Товарищи инженеры, я надеюсь, что вы пришли ко мне с новыми идеями о повышении производительности своего труда, – пошутил он. – Это меня радует.

– Именно с этим, – подтвердил умный Ершов. – Нас волнует вопрос получения премии за внедрение новой техники.

– Я знаком с этим вопросом, – неожиданно быстро ответил Лепестков и встал из-за стола. Подошел к нам вплотную и, посмотрев внимательно каждому в лицо, спросил:

– Как вы думаете, друзья мои, заслужили мы, работники технического отдела, эту премию в нынешнем году или нет? Какие виды новой техники были внедрены в производство по нашим предложениям? Я, например, не помню. Может, кто-то хочет ответить на этот вопрос иначе?

Мы хранили гордое молчание.

– Вот видите. Отсутствие положительного ответа – тоже ответ. Поэтому я и принял решение отказаться нашему отделу от этого вида поощрения. В конце концов, эту премию надо все-таки заработать, а не тихо получить. Время сейчас такое – научно-технический прогресс стучится в двери, а мы ему открывать не хотим. Нет, товарищи, дальше дело так не пойдет, – сказав это, Лепестков направился к своему столу, считая разговор законченным.

– Одну минуту, Иван Николаевич, – остановил его мягкий и вкрадчивый голос умного Ершова. – Видите ли, мы с вами совершенно согласны относительно правомерности получения этой премии, которую, действительно, надо заработать. Ведь вопрос не в том: почему поощрение за внедрение новой техники не получим мы? В данном случае нас волнует другое: почему эту премию уже

получили сметчики? Они ведь, судя по показателям, побольше нашего не имеют к этому делу никакого отношения.

Надо сказать, что вопрос Ершова поставил нашего шефа в тупик. В раздумье он собрал на лбу все свои морщины, стал барабанить пальцами по столу. Наконец, пробормотал почти шепотом себе под нос:

– Да, об этом я как-то не подумал. А премия, откровенно говоря, неплохая.

– Если сметчики ее уже получили, – осторожно продолжил Ершов, стараясь направить течение мыслей начальника отдела в нужном направлении, – то никто не станет забирать у них ее обратно...

Здесь Лепестков посмотрел на часы.

– В принципе, еще можно успеть, – сказал он и кинул взгляд на нас.

– Значит, так. Сейчас я схожу туда, – он указал пальцем куда-то вверх. – И через час позвоню. А вы постарайтесь никуда не расходиться, чтобы не опоздать в трестовскую кассу.

– Не беспокойтесь, Иван Николаевич, – заверили мы хором своего шефа. – Работа для нас – главное...

– Тем более, когда она сочетается с продуманным материальным стимулированием, – заключил повеселевший Кошкин...

1984 г.

Рейд

Все началось с того, что меня с Ершовым включили в рейдовую бригаду по проверке сохранности материально-технических ресурсов на нашем трестовском складе.

Товарищ Лепестков, наш начальник, объявив эту новость и пожав каждому руку, проникновенно сказал:

– На вас, товарищи инженеры, возложена ответственная миссия: найти скрытые резервы на складе треста и сделать все для их быстрейшего приведения в действие.

– Не беспокойтесь, Иван Николаевич, – ответил ему умный Ершов. – Искать недостатки у других гораздо приятнее, чем скрывать собственные. Так что уж мы постараемся...

...Заведующий складом Невиннолысов под звуки производственной гимнастики допивал утренний чай.

– Ставлю болт против шурупа, что вы пришли ко мне с рейдовой проверкой, – поприветствовал он нас, сметая крошки печенья со стола.

– Как вы догадались? – удивился я.

– А вы без машины появились. Значит, забирать ничего не будете, да и нового ничего не привезли, – ответил заведующий. – Таких как вы – «безлошадных» в черном пальто – у меня знаете, сколько каждый месяц бывает? Не сосчитать!

– Однако ближе к делу, – хмуро сказал Ершов. – У нас с товарищем Поливиниловым – ответственная миссия. И времени для пустых разговоров нет.

– Да кто же с этим станет спорить, – развел руками Невиннолысов и потянулся за бумагами. – Значит, так. Здесь перечень – оборудования, а наличие его – за спиной.

И он кивнул в сторону основного помещения склада.

– Да-а, работенка нас ждет тут славная, – присвистнул Ершов, когда мы втроем зашли в помещение, до предела забитое новой техникой.

– Советую пройтись по наиболее крупным позициям, – вяло изрек Невиннолысов, посмотрев на наши постные физиономии. – Все-таки вы – участники общественного рейда. Какой с вас спрос? Походили, посмотрели и ладно.

Ершов подозрительно посмотрел на Невиннолысова.

– Но-но, вы нам зубы не заговаривайте. Проверим все как положено. Имейте в виду. Если есть какие неполадки, так сразу и выкладывайте.

– Да, какие ж могут быть неполадки, – усмехнулся Невиннолысов. – Вы же сами видите. Крыша не течет, окна целы. Оборудование расставлено строго по времени поступления в трест. Все стоит на своих местах в четком соответствии с инструкцией, несмотря на острый дефицит складских площадей.

– Сейчас посмотрим, – не поверил заведующему Ершов и открыл перечень оборудования. – Та-а-ак. Пресс. Импортный. Где пресс?

– Здесь он, родной, – Невиннолысов повел нас по узким проходам к многотонной металлической громадине. – Третий год стоит, а все как новый. Ржавчина, конечно, кое-где тронула. Но это не проблема.

– Действительно, совсем немного, – подтвердил я, внимательно осмотрев новое высокопроизводительное оборудование. – Для трехлетнего хранения вполне сносно...

– Ладно, – согласился Ершов и снова посмотрел в бумаги. – Пойдем дальше. Автоматическая линия для выпуска...

– Это здесь, – оборвал его на полуслове Невиннолысов и показал рукой немного правее прессы. – Уникальный комплекс. Когда

его сюда только завезли в позапрошлом году, к нам столько народу каждый день приезжало. Вы бы видели. Не было времени даже чаю выпить. Штатным экскурсоводом заделался, чтобы передовую технику всем показывать.

– Где, говоришь, эта линия? – заинтересовался Ершов.

– Да вот здесь, за прессом... Ой, да где же она? – Невиннолысов взобрался на рядом стоящие ящики и попытался заглянуть за пресс.

– Да что же это такое, – бормотал он себе под нос, карабкаясь дальше. – Куда это она могла запропасться? Ведь никому не нужна эта линия. Ни мне, ни тресту...

Вскоре из-за ящиков мы услышали громкий вздох облегчения заведующего.

– Здесь она, товарищи, здесь! – кричал радостный Невиннолысов. – Мы ее просто новым робототехнологическим комплексом накрыли. Он к нам еще в конце минувшего года прибыл. А я и забыл.

– Вот видите, – сказал ему Ершов. – Наша проверка и вам пользу принесет – вспомните хоть, где что стоит.

– Э-э, нет, друзья. Бесполезное занятие – запоминать, – ответил запыхавшийся заведующий. – Здесь никакой памяти не хватит, столько добра навалено.

– Это точно, – подтвердил я.

...К вечеру мы закончили рейдовую проверку. Больших замечаний к Невиннолысову у нас не было. Все оборудование хранилось действительно на неплохом уровне.

– Хороший у вас склад, – сказал я, когда мы с Ершовым засобирались уходить. – Столько времени все хранится, а ни одной гаечки не пропало.

– Да уж, стараемся, – не без гордости ответил Невиннолысов, однако выражение его лица было не слишком веселым.

– Вы не волнуйтесь, – попробовал развеселить его Ершов, одеваясь. – Мы в своей справке напишем все, как есть, все как положено.

– Да не волнуюсь я, братцы, – задумчиво произнес заведующий. – Только вот одного не могу понять: зачем все это здесь стоит? Кому это все нужно? И, вообще, зачем я здесь сам нахожусь?

– В принципе, мы не компетентны в этом вопросе, – сказал Ершов, остановившись в дверях. – Но подумайте сами. Если в тресте есть склад, то должно в нем что-то стоять? Должно! Если в штатном расписании треста есть должность заведующего складом, то должен ее кто-то занимать? Как видите, все просто.

– И все-таки что-то здесь не так, – опять засомневался Невиннолысов.

– Вам хорошо. У вас времени полно для сомнений, – усмехнулся Ершов. – А нам думать некогда – работать надо...

1985 г.

Прогулка

Приехал к нам как-то в трест представитель планового управления министерства. В тот же день вызвал меня к себе начальник нашего отдела товарищ Лепестков и сказал:

– Знаешь, Поливинилов, ты у нас признанный мастер по обслуживанию приезжих. Есть у тебя природный такт, понимаешь. А я этого товарища, честное слово, видеть спокойно не могу. Они ведь там, в министерстве, нас новыми показателями плана просто на грань катастрофы поставили. Общий объем на будущий год увеличили на двадцать процентов, а из какого материала его сделать – не сказали. И этот товарищ был одним из инициаторов пересмотра планов. Ты меня понял? Побудешь с ним завтра весь выходной где-нибудь? Ради меня. А то «сверху» его на меня расписали. А у меня, сам понимаешь, руки начинают чесаться, когда я близко к нему подхожу и физиономию его беспечную вижу.

– Не беспокойтесь, Иван Николаевич, – ответил я. – Оформим отдых представителей отрасли по всем утвержденным стандартам. Думаю, что этому товарищу будет, что вспомнить после возвращения из нашего треста...

На следующий день я с соседом на «Жигулях» подъехал к гостинице. Вызвал этого товарища из министерства и говорю ему:

– Меня откомандировали к вам для организации и проведения культурной программы в выходные дни. Погода, как видите, чудесная. Так что давайте в машину. Рыба в озере уже соскучилась по нашим крючкам.

Тот прямо расцвел в улыбке:

– С огромным удовольствием принимаю ваше приглашение. Уже в который раз приезжаю к вам в трест. И всегда нахожу здесь замечательных людей.

Сосед мой вывез нас за город, довез до труднопроходимого участка дороги, уходящей в какой-то глухой, заросший бурьяном лес, и остановился. Как мы его ни уговаривали, он наотрез отказался ехать дальше. Тогда мы выгрузили свои баулы прямо на дорогу, а сосед развернулся на «Жигулях» и уехал.

– Какой невоспитанный у вас товарищ, – заметил при этом мой подопечный.

– Да уж, есть у него это немного. Ничего не поделаешь. Но мужик он, в принципе, хороший, – ответил я и добавил. – А дальше мы пойдем пешком... Вы же у нас раньше бывали на рыбалке?

– Да. Ездили в минувшем году с товарищем Лепестковым, – ответил гость и попытался рюкзак на плечи одеть. Я ему в этом помог. Мой подопечный прямо присел под тяжестью рыболовных снастей.

– Ого! – только и смог произнести он. А я сделал вид, что ничего не произошло.

– Этот рюкзак процентов на двадцать тяжелее прошлогоднего, – заметил товарищ из министерства.

– Значит, на двадцать процентов больше поймем и рыбы сегодня, – улыбнулся я в ответ. И мы отправились в путь.

Шли долго. Пока моему подопечному от тяжести рюкзака совсем плохо не стало. Сделали короткий привал. Я открыл его ношу и переложил в нее еще с десяток килограммов груза из своего рюкзака. Так сказать, незапланированная ранее добавка к первоначальному заданию.

– Что вы делаете? – закричал мой гость. – Вы совсем с ума сошли. Я и так чуть иду.

– Но ведь идете, – ответил я. – Вот что: вставайте и пойдем дальше.

Вижу, это его взорвало. Начинает свирепеть.

– Это уж наглость, – процедил сквозь зубы мой подопечный. – Дайте хотя бы поесть. Надо же энергией заправиться, сил поднакопить, чтобы идти дальше.

А для меня эти гневные слова как музыка звучат. Развожу ему в ответ руками. Мол, ничего не знаю: такова производственная необходимость.

– Но я отказываюсь идти дальше, – разошелся гость.

– Пойдете. У вас нет другого выхода. Посмотрите вокруг, – сказал я, подхватил свой заметно полегчавший рюкзак и зашагал по лесной дороге дальше.

Мой подопечный осмотрелся и, очевидно, быстро понял, что обратной дороги нет. Кругом стоял густой, грозно нахмурившийся лес.

Очень скоро я услышал отчаянное сопение за своей спиной. Когда обернулся, то струнка жалости все-таки шевельнулась где-то в моей душе. Товарищ из министерства шел вперед, согнувшись до предела, нагруженный рюкзаком. В его глазах я увидел остановившееся выражение безысходной тоски. С губ слетел какой-то старинный бурлацкий напев.

– Что же это вы не проявляете творческий поиск? – усмехнулся я, пристраиваясь к ритму шагов своего подопечного.

– Помолчите, – нехотя ответил мой гость, не очень эстетично сплевывая прямо под ноги.

– Надеюсь, теперь вы уловили, что значит планировать «от достигнутого», брать показатели с потолка, без учета местных факторов, без четкого и сбалансированного материального обеспечения намеченного задания? – спросил я, перекладывая на плечи товарища из министерства еще и свой рюкзак.

– Уловил, – с трудом выдавил из себя тот. – Только выведи меня отсюда, друг.

И он пронзительно посмотрел мне в глаза.

Я задумчиво хлопнул его по ноше, и он ткнулся носом в землю.

– Ладно, старик, не дрейфь, – сказал тогда я. – Тебя-то я отсюда выведу. А вот как нашему тресту выйти на те показатели плана, которые вы нам записали, а подкрепить соответствующими ресурсами забыли?

Но мой гость ничего не отвечал на этот вопрос. Он лежал, придавленный рюкзаками к земле, с закрытыми от усталости глазами.

«Судя по всему, я правильно выполнил указание товарища Лепесткова», – подумалось мне.

Я громко свистнул. Сосед на «Жигулях» появился через несколько секунд. Условия нашего с ним договора он выполнил полностью, приехав к указанному месту с другой стороны.

1985 г.

Лаборатория

Вызвал меня как-то с утра к себе наш начальник товарищ Лепестков. Вытащил из стола пухлую папку с какими-то бумагами и говорит:

– Товарищ Поливинилов, надо бы вот эти документы срочно отнести в нашу заводскую научно-исследовательскую лабораторию. Я вас очень попрошу. Вы у нас самый молодой. Одна нога здесь, другая – там. Бывали когда-нибудь в этой лаборатории?

– Нет, не бывал, – признался я честно, но быстро поправился. – Да вы не беспокойтесь, Иван Николаевич. Язык ведь не только до Киева довести может...

– Ну, и прекрасно, – удовлетворенно крикнул Лепестков, и я помчался выполнять задание шефа.

Здание лаборатории нашел быстро. Зашел внутрь, а там всего три двери по коридору. Открываю первую и с порога спрашиваю:

– Эй, народ, здесь, что ли, научные изыскания проводятся?

В ответ – напряженный гул станков. Никто меня из-за этого шума не слышит. Тогда я к ближайшему станочнику, в кепке, подхожу и кричу ему на ухо:

– Здесь исследовательские работы ведутся?

Он на меня как-то странно посмотрел, словно перед ним инопланетянин стоит, и отвечает:

– Ты что, с Луны свалился? Не видишь, что на главный конвейер работаем. Не мешай делом заниматься. У нас задание срочное...

Я, как мог, извинился и быстрее – в другую дверь. Там картина аналогичная. Я – в третью: то же самое. Никто даже головы от станков не поднимает. Понятное дело: когда план горит, тут уж не до разговоров. Чувствую, ошибся зданием. В лаборатории научно-

исследовательской, говорю себе, больше ведь головой думать надо над соответствующими проблемами, чем «штурмовать» месячный план.

Вышел я обратно на улицу и давай вокруг оси своей крутиться, да мучиться вопросом: куда же эта самая лаборатория вдруг подевалась? Вижу, вслед за мной из того же здания какой-то мужчина вышел. Я к нему. Остановил его и этот вопрос свой выложил.

– Так вот же она, – отвечает незнакомец и показывает на то же здание, где я уже был. – Наша лаборатория здесь все помещения занимает. Заходите в любую дверь

Чувствую, либо он вопроса моего не понял, либо я сам что-то не так спросил. Поэтому так очень нежно, но, строго контролируя ход своих мыслей, говорю этому мужчине:

– Браток, ты не шути со мной так. Я сейчас твой юмор могу не понять. Мне вот эти бумаги просто позарез надо в лабораторию отдать. Ты мне серьезно скажи, куда мне идти?

– Да какие могут быть шулки. У самого дел – по горло, – отвечает незнакомец и смотрит на часы. – Уже опаздываю на совещание.

А я не отступаю:

– Слушай, я ведь не цех, а лабораторию научно-исследовательскую ищу. Ты меня понял? Можешь ты меня туда направить?

Мужчина посмотрел на меня подозрительно, крутнул пальцем у виска и спрашивает:

– Ты по этому делу давно к врачам обращался? Я же тебе в третий раз говорю – здесь она, здесь.

Я недоверчиво посмотрел на здание, затем на своего собеседника.

– Спасибо, – говорю ему. – У меня, действительно, что-то голова разболелась.

Он ушел. А я, потоптавшись минут десять на месте, все-таки нашел в себе силы снова войти в это здание. Открыв первую же дверь, крикнул изо всех сил, перекрывая шум станков:

– Кто из вас знает, где здесь поблизости есть научно-исследовательская лаборатория?

– Так это мы и есть! – ответил тот, в кепке, который был ближе всех ко мне, выключив станок.

– Как вы? – удивляюсь я. – Я же здесь полчаса назад был. Вы мне сказали, что делаете продукцию для главного конвейера, для основного производства.

– Точно, – подтвердила «кепка». – Делаем!

– Какая же вы тогда научно-исследовательская лаборатория? – не перестаю я удивляться. – Вы – обычный производственный участок, только неясно, к какому цеху относитесь.

– Но-но, полегче, – заметил мой новый собеседник. – Мы и есть настоящая научно-исследовательская лаборатория. У нас это название уже знаешь, сколько лет? Не меньше двадцати. Не ты его вводил, не тебе его и отменять. Да и звучит, согласишься, красиво. Скажешь, нет?

– Звучит, конечно, красиво, – подтвердил я. – Только вот почему бы тогда и другие производственные участки в цехах лабораториями не назвать? Сплошная красота была бы. А завод и вовсе можно было бы и в научно-исследовательский институт переименовать.

– А что, интересная мысль, – согласился станочник в кепке. – Ты ее кому следует подкинь, а нам работать надо... У тебя что? Бумаги? Ты их кидай в кучу. Будет время – посмотрим... А пока у нас задание «горит». Извини, браток, нас конвейер ждет...

– А как же исследования? Надо же кому-то и наукой на заводе заниматься. Время ведь сейчас такое – научно-технический прогресс

кругом. Отстанем от времени с такими лабораториями – потом себе же локти кусать будем, – сказал я, но меня уже никто не слышал.

Включив станок, мой собеседник уже углубился в работу. А я, сунув папку с документами в общую кучу похожих бумаг, вышел из научно-исследовательской лаборатории. Задание своего шефа я выполнил, но на душе было беспокойно...

1985 г.

Дырка в стене

Честно говоря, с нашим прорабом Распекухиным не соскучишься. Приходит буквально сегодня к нам с Федяевым и говорит:

– Старики, срочно несите свой аппарат вон к той стене. Мне еще вчера вечером новые чертежи вручили с изменениями прежней документации. Так вот, дырку надо бить все-таки в противоположной стене.

Мы с Федяевым, ясное дело, аппарат в руки и вперед – к нужной стене. Пока наметили место для дырки, пока аппарат подготовили к работе, пока покурили перед началом технологического процесса, снова этот Распекухин подходит с огромными чертежами в руках.

– Мужики, – говорит, – молодцы вы, что не начинали, а то наделали бы делов. Только что прибежали ко мне в прорабскую из отдела. Видите, что принесли?

– Видим, – отвечает за нас двоих Федяев. – Плоды инженерного труда.

– Точно, – поддержал его Распекухин. – Так вот, дырку надо бить в этой стене, но только с другой стороны. Вот здесь все нарисовано. А подписей видите сколько? Целый взвод специалистов. Не могут же все они ошибаться?

Мы посмотрели на новый чертеж поступивших изменений.

– Солидно сделано, – значительно сказал Федяев. – Все чинчинарем, не подкопаешься. Ладно, пошли бить дырку с той стороны. А то ведь время идет, а стена без изменений до сих пор стоит...

Снова пока дошли, пока место для дырки нашли, пока аппарат настроили, пока сами настроились – еще время прошло. Я уже чуть было на кнопку не нажал, чтобы начать работать, да Федяев – его не проведешь – меня остановил:

– Видишь, Распекухин снова с бумагами несется. Так что не спеши. Я слышал, у них эту волокиту творческим поиском называют. Вот ведь придумали: вместо того, чтобы кому следует да как следует по рукам за дурную работу надавать, премии за это платят.

– Слышь, Федяй, – сказал я, глядя на приближающегося Распекухина. – Как ты считаешь, чего они там на этот раз удумали?

– Да, наверное, стену эту вообще снесут, – авторитетно предположил Федяев, поудобнее устраиваясь возле аппарата и позевывая. – Мешает она кому-то. Мешает. Нутром чувствую.

– А что ты думаешь? Очень даже может быть, – согласился я с напарником и посмотрел на часы. До обеда еще оставалась уйма времени.

– Мальчики мои, какие вы молодцы, что еще не приступали к работе, – еще издали прокричал нам Распекухин. – У меня тут новые чертежи появились...

– Ты меня разбуди, когда они там, наконец, разберутся, – попросил меня Федяев. – А то ведь от такой работы очень уж на сон тянет...

– Верно, – согласился я.

1985 г.

Пожар

Молодой специалист Катапультов вбежал в помещение нашего отдела с широко открытыми от ужаса глазами.

– Товарищи, пожар! Горим! – крикнул он во всю мощь своих легких.

Мы от неожиданности вскочили со своих мест, но здесь к нам заглянул в кабинет наш начальник товарищ Лепестков и очень спокойным тоном спросил:

– В чем дело, товарищи инженеры? Почему вы, Катапультов, кричите, а все остальные стоят? Вас что, уже выдвинули на мое место, не сказав об этом мне?

– Иван Николаевич, горим! Огонь с нижних этажей к нам подбирается, – снова прокричал Катапультов. И мы действительно почувствовали запах дыма.

– Очень хорошо, – уже ледяным тоном ответил Лепестков. – Прошу всех занять свои рабочие места.

Мы сели, остался стоять только Катапультов, так как наш шеф сел за его стол.

– Итак, товарищ Катапультов, вы утверждаете, что мы горим, – голосом опытного оратора снова заговорил Лепестков. – В каком смысле: прямом или переносном?

– Да в самом, что ни на есть прямом, – опять разгоряченно закричал Катапультов.

– Действительно, о переносном смысле не может быть и речи, – рассудительно заметил умный Ершов. – Ведь мы «горели» в конце первого квартала с объектами, а сейчас только начало месяца.

– Да вы посмотрите в окно, – Катапультова стала бить нервная дрожь.

Действительно, откуда-то с нижних этажей валил густой темный дым и даже летели искры.

– Очень хорошо, – резюмировал Лепестков. – Какие будут мнения по поводу информации товарища Катапультова? Товарищ Поливинилов, попрошу вести протокол.

– Спасаться надо, мужики! Вы что, очумели? – начал с крика Катапультов, но кончил чуть ли не шепотом под строгим взглядом нашего начальника.

– Товарищ Катапультов, мы вас уже послушали, – сказал тот очень солидно. – Дайте же теперь узнать мнение других.

– Вообще, судя по тому, как быстро нагреваются половицы и жжет подошвы ног, дело обстоит достаточно серьезно, – начал обсуждение умный Ершов.

– Лично я из-за дыма уже не вижу, что делается на улице, – добавил сидевший у окна Кошкин. – Вот буквально минут десять назад я отчетливо видел, как в скверике напротив молодой парень пытался обнять интересную девушку, а сейчас я даже не вижу солнца. Если так будет продолжаться, я не смогу уже через несколько минут рассмотреть свой чертеж. Надо что-то решать, – и он еще раз взглянул на томик Сименона, лежавший под листом ватмана. – Нет, Иван Николаевич, решительно ничего не видно уже сейчас. Это – не работа.

– Если огонь прорвется через перекрытие в наш кабинет, он серьезно затруднит нам выполнение служебных обязанностей, – сказал я. – Поэтому предлагаю внести в повестку нашего рабочего совещания вопрос о путях эвакуации из занимаемого нами помещения.

– Я поддерживаю предложение товарища Поливинилова, – одобрил меня Кошкин, при этом встал из-за своего стола и подсел ко мне. – У меня уже провалились половицы под столом, и мне некуда ставить ноги, – объяснил он нам.

– Что же, давайте рассмотрим пути эвакуации, – согласился с нами Лепестков и посмотрел на Ершова. – Какие мероприятия, на ваш взгляд, наиболее приемлемы в решении данного вопроса?

– На мой взгляд, в создавшейся ситуации наиболее приемлемы два пути, – глубокомысленно изрек тот.

В этот момент в коридоре раздался оглушительный грохот.

– Все! Лестница рухнула! – закричал Катапультов и обхватил голову руками. – Погиб. Мамочка моя родненькая! А-а-а!

Постепенно его крик перешел в вой, а потом в хрип и слабый писк, но мы не обращали на него внимания, увлеченные выступлением нашего сослуживца.

– Действительно, это – лестница, и здесь товарищ Катапультов совершенно прав, – Ершов сделал галантный жест в адрес царاپавшего стенку ногтями молодого специалиста. – Она была одним из путей выхода в моей небольшой классификации. Однако разрушение лестницы еще отнюдь не означает, что мы оказались в безвыходном положении.

Здесь пол в центре нашей комнаты стал угрожающе пузыриться, вспучился, и через несколько секунд на его половицах запрыгали веселые огоньки пламени.

– Попрошу всех собраться у оконного проема. Товарищ Поливинилов, продолжайте ведение протокола, – четко скомандовал Лепестков и снова обратился к Ершову. – Продолжайте, пожалуйста.

– Очень хорошо, что мы собрались у этого окна, – продолжал тот. – Оно нам даст наглядное представление о втором пути эвакуации в моей классификации.

Мы все посмотрели в окно и увидели, как прямо к нам из подъехавшей пожарной машины выдвигается спасательная лестница.

– Мне нравится ваша классификация, товарищ Ершов, – похвалил нашего старшего инженера шеф, глядя на карабкающихся к

нам пожарников. – Это еще один наглядный пример того, как много может дать на практике превосходное, я бы даже сказал, профессиональное знание теории. Вы слышите меня, товарищ Катапультов.

Но ответа не последовало, так как нас уже стали хватать за руки и осторожно спускать по лестнице вниз.

...Отряхнувшись от копоти на земле, я еще раз просмотрел страницы протокола и сказал, обращаясь к шефу:

– Не хватает заключительной реплики Катапультова. Ведь обсуждали его информацию.

– Да-а, нехорошо получается. В таком виде протокол останется логически незавершенным, – согласился со мной Лепестков и поискал глазами Катапультова.

Тот лежал недалеко от нас на носилках без сознания.

– Ладно. Ты там оставь немного места, – сказал мне шеф и отечески улыбнулся. – Очнется, чего-нибудь скажет. Молодой еще. Никак к собраниям нашим привыкнуть не может. Ничего, поработает пару лет, наберется опыта, и как рукой все снимет...

1985 г.

Ремонт

Трактор Федяева хрипел, как загнанная лошадь.

– Слушай, старик, мне совершенно не нравится этот стук в моторе, – крикнул я, наблюдая за косилкой, оставившей после себя ровные ряды скошенной травы. – Может, отцепим агрегат и разберемся по существу?

– Ты с ума сошел, – оглядываясь из кабины на уже пройденное пространство луга, ответил Федяев. – Мы еще и половины не успели сделать. Только мастерскую сейчас и разворачивать в поле. Да председатель из нас торфокрошку сделает.

– И все-таки нельзя на таком тракторе работать дальше, – продолжал сопротивляться я. – Технику ведь совсем погубим.

– Ничего, пока колеса крутятся, будем ездить, – молодежато гикнул мне Федяев и круто прошелся по рычагам трактора. – Под мою ответственность!

Как и следовало ожидать, наш железный друг не вынес такой лихости в обращении. Прохрипев в последний раз, он замолк на высокой фальцетной ноте.

– Ну, что теперь скажешь? – спросил я и сокрушенно махнул рукой. – Хочешь-не хочешь, а мастерскую открывать придется.

– Ты, главное, не дрейфь, Поливинил, – усмехнулся Федяев, выбираясь из кабины и вытирая вспотевшие руки о рубашку. – У меня есть одна штукенция, которая нам мигом во всем поможет.

Протянув руку куда-то под сиденье, мой напарник достал оттуда новенькую, еще не бывшую в употреблении книгу в плотном переплете.

– Председатель подарил. Еще весной, – со знанием объяснил Федяев, подняв палец. – За ударную работу. Так и сказал: бери и

пользуйся. Незаменимая вещь при эксплуатации и ремонте трактора. Любую поломку в две минуты устранишь. Понял?

Я с завистью посмотрел на книгу:

– Хороший подарок.

Федяев начал смело шелестеть страницами.

– Так, так, неисправности ходовой части, таблицы, пояснения, снова таблицы, чертеж, еще чертеж, снова таблицы, пояснения чертеж, – бормотал он, слюнявя палец и переворачивая им листы в пособии.

Чем дальше Федяев изучал содержание книги, тем быстрее, лихорадочнее становились его движения. Во взгляде появилась тревога...

– Ничего не понимаю, – минут через двадцать развел руками мой напарник. – Вроде для нас, трактористов, написано, а разобраться не могу. Вот скажи, где нашу неисправность искать надо?

Я взял у Федяева книгу и тоже пробежался глазами по ее страницам:

– Да тут на профессора изложено. Ишь, сколько страниц намахали. Каждая гаечка расписана.

– Да зачем мне каждая гаечка? – бросив в сердцах о землю кепку, спросил меня Федяев и добавил несколько крепких слов. – Мне трактор надо срочно ремонтировать.

– Вот когда ты о бережном отношении к технике заговорил, – изрек я с улыбкой. – А чем ты думал, когда мотор застучал? На книжку надеялся? Ты что, не видел, на что она рассчитана? На то, что у нас в поле парты на каждом шагу стоят. Только трактор сломался, тут же садись за парту и давай изучать все эти схемы да таблицы, в которых сам черт голову ломает. Не говоря уже о тебе – среднем трактористе из среднего колхоза.

– Я – не средний, – с горечью возразил мне Федяев. – Книгу мне председатель за лучшие показатели подарил.

– Молчал бы, передовик, – угрюмо ответил я, захлопывая книгу и откидывая ее подальше от себя. – По этим таблицам до вечера не разберешься. Лучше подумай, что будем делать.

– Да что тут думать, – разозлился слегка Федяев. – Давай гаечный ключ да полезли в мотор. Свои руки да голова – они лучше всяких пособий. По крайней мере, надежно.

– Согласен, – повеселевшим голосом ответил я и потянулся за набором ключей...

1985 г.

Действующая модель

Начальник вневедомственной территориальной экспертизы Эффеков постучал авторучкой по столу и строго посмотрел на собравшихся.

– Все в сборе, товарищи? – спросил он и без паузы продолжил. – Тогда начнем. Сегодня членам экспертной комиссии предлагается рассмотреть и утвердить действующую модель современного инновационного завода по переработке железной руды. Завода, который в скором времени может быть построен у нас в городе и который, безусловно, украсит нашу первозданную природу новыми замечательными образцами промышленной архитектуры, который еще скажет свое слово в освоении новых процессов, доселе неосвоенных нашей химической промышленностью...Товарищ Лавандов, главный инженер проекта из головного института, доложит о будущем заводе более подробно...

Лавандов с указкой в руках вышел к выставленной в центре комнаты модели завода и начал увлеченно объяснять:

– Друзья, вашему городу исключительно повезло. Того, что мы сделали, нет еще ни в одной стране мира. Этот завод будет необыкновенно экономичен. На нем не пропадет ни одного грамма сырья. Город получит баснословную прибыль. Тысячи нитей протянутся к вам из всех уголков нашей необъятной страны. Зарубежные заказчики просто завалят вас валютой. Наш завод будет работать в автоматическом режиме. Вы сами сейчас сможете убедиться в его достоинствах.

Лавандов махнул рукой ассистентам. Один включил электричество, а второй поднял ведро с сырьем. В разных частях модели загорелись лампочки, а внутри многочисленных трубочек что-то заурчало и захлюпало.

– Сырье засыпаем в эту горловину, – показал указкой Лавандов. И ассистент не без удовольствия высыпал туда темное содержимое ведра.

От модели повалил черный едкий дым. Члены экспертной комиссии стали покашливать. Но через несколько секунд из другого конца макета стали вываливаться какие-то блестящие изделия.

– Область применения этой продукции до конца еще не исследована, – пояснил Лавандов. – Но мы уже пробовали: эти штуки можно есть.

– Фантастика! – не удержался Распашной, член комиссии, специалист по сельскому хозяйству. – Это совершенно новое революционное слово в решении продовольственной программы нашего региона.

– А каков уровень автоматизации, – воскликнул Поливинилов, специалист по новой технике. – Какая потрясающая производительность при минимуме ручного труда.

– Связи с поставщиками сырья укрепят наши контакты с малыми народами страны, усилят наше стратегическое положение, – сказал специалист по идеологии товарищ Перьевой.

– За валюту мы построим новый вокзал и гостиницы для командировочных, расширим сеть общественного питания и торговли, – мечтательно вздохнул работник горисполкома товарищ Откатов.

– Братцы, но ведь совершенно нечем дышать, – едва пробился сквозь гул восторженных оценок голос представителя общественности Хлорофилова. – Мы сейчас все задохнемся.

– Откройте окно, товарищ Хлорофилов, – строго заметил председательствовавший. – И не поднимайте здесь паники. Прямо стыдно за вас. Вы что, противогаз с собой не захватили? Забыли, куда пришли?

Сделав паузу, Эффектов добавил, обращаясь уже ко всем:

– Прошу высказываться, товарищи...

– Конечно, есть отдельные недостатки, – вкрадчиво произнес представитель местного общества охраны природы Безпозвоночный. – Но на фоне очевидных достоинств они просто отступают на второй или даже третий план.

– Да, что здесь обсуждать: городу нужен такой завод, – сказали собравшиеся едва ли не хором. – И чем быстрее, тем лучше.

В комнате стали сгущаться клубы дыма.

– Рекомендую воспользоваться индивидуальными средствами защиты, – посоветовал Эффектов и первым натянул на голову противогаз. Его примеру последовали остальные, кроме Хлорофилова, судорожно хватавшего воздух ртом у форточки.

– Значит, подписываем решение о строительстве? – подвел черту под обсуждением Эффектов.

– Единогласно, – глухо промычали хором в свои противогазы члены комиссии.

– Вот, и замечательно, – сказал Эффектов и расписался первым на документах проекта.

– Что вы делаете? – задыхаясь от удушья, прокричал Хлорофилов. – Вы же всех нас погубите: и людей, и птиц, и деревья.

И он потерял сознание.

– О чем это он? – недоумевающе переглянулись присутствующие. – И кто он вообще такой?

– Неформал. От общественности к нам в комиссию прибился, – пояснил Эффектов. – У нас ведь демократия. Каждый может высказывать собственное мнение. Прошу не обращать на него внимания и поставить свои подписи на документах.

Противогазы несколько мешали красиво расписываться, но все с честью справились с поставленной задачей.

За Хлорофилова расписался Безпозвоночный, который и отнес
впечатлительного неформала в ближайший медпункт.

А как же! Мы ведь люди гуманные!

1987 г.

Чудо технической мысли

Что бы там плохого ни говорили о нашем управляющем треста, а я его уважаю. Мужик деловой, всегда придет на помощь в трудную минуту.

Вот на днях приезжает ко мне на объект и говорит:

– Как строительство идет, Распекухин? С планом ввода справишься?

Я ему правду в глаза и рубанул:

– Боюсь вас огорчить, товарищ Мостовой, но своевременного ввода нам не видать, как и конца перестройки.

– Что такое? – встревожился управляющий. – Я тебя, Распекухин, всем в пример всегда ставлю. Все у тебя на строительной площадке продумано, рассчитано, народ без дела не шатается. И вдруг такие заявления, какие-то непродуманные. Удивляешь, дружище.

– А что мне остается делать, – отвечаю. – Рабочей силы не хватает катастрофически, бригады укомплектованы наполовину. На каждой операции – сплошной ручной труд. А ведь объект пусковой, как вы правильно заметили. Словом, радоваться нечему.

– Ты только, Распекухин, не паникуй, – осадил меня Мостовой. – Я ведь про твои беды все и так знаю. Потому и приехал к тебе не с пустыми руками.

Не скрою, меня такой поворот в нашем разговоре просто шокировал. Смотрю на управляющего и глазами хлопаю, а он подзывает своих помощников и говорит:

– Давайте сюда чудо технической мысли. Будем внедрять на объекте у Распекухина.

Помощники, конечно, подсуетились. Притащили какие-то ящики, быстро их распаковали, поковырялись с железками. И где-то минут через сорок говорят Мостовому:

– Готово. Можно начинать эксперимент.

Управляющий им отвечает:

– Валяйте.

А потом на меня посмотрел и говорит:

– Принимай, Распекухин, пополнение на своем объекте. Рабочая сила на уровне мировых стандартов. Японская.

Честно говоря, я в этот момент чуть с катушек не слетел. У меня дрели обычной на объекте не найдешь, а здесь, смотрю, стоят передо мною сразу два живых робота и так очень игриво лампочками мигают.

– Эта техника, Распекухин, может любые задачи выполнять, – пояснил мне управляющий. – Они тебе смету за две секунды сварганят. Любую технологию рассчитают – и глазом не успеешь моргнуть. Мы ее за валюту купили. И решили тебе доверить. Ты ведь у нас самый толковый прораб. Найдешь этим японским железкам применение?

– Конечно, найду, – отвечаю и лихорадочно прикидываю, куда же мне новичков определить. – А за такой королевский подарок – спасибо! Вот уж никак не ожидал, что окажусь в нашей дыре на самом переднем крае научно-технического прогресса.

– Словом, ты здесь сам разбирайся, а я дальше по объектам поеду, – сказал Мостовой и укатил на персональной «Волге».

Один из его помощников успел мне инструкцию оставить по использованию этих роботов. Открыл, а там все – на японском языке и сплошные схемы. Как открыл, так и закрыл этот манускрипт.

Тут, конечно, возле этих роботов все наши орлы собрались.

– Куда япошек пристроим, мужики? – спрашиваю у них. – Чтобы использовать их возможности на все сто процентов.

– А что они хоть умеют делать? – спрашивает кто-то.

– Да леший их ведает, – отвечаю. – Управляющий сам толком не знает, а в инструкции разобраться – профессора звать надо.

– Раствор тогда пускай таскают. Оформим их как учеников. Пусть разомнутся немного, – сказал кто-то из каменщиков. – Все равно с них толку, как с козла молока. Это им – не Япония.

Все дружно в духе времени проголосовали за предложенное решение. Мужики тут же принесли носилки и ткнули их роботам. Те пытались слабо протестовать, схемы какие-то из себя стали выдавливать, дескать, мы для такой работы не приспособлены. Но я им сразу сказал:

– Кончайте, ребята, дурить. Поручили вам ответственное дело – надо выполнять. Понимаете, есть в русском языке такое слово – надо. Умри, но сделай. Только сначала сделай, а потом – умри!

Они, хоть и железные, да видно и до них дошло, что спорить с нами бесполезно. Тем более, вся бригада за это проголосовала. Лампочки у них слегка погасли. Но работать пошли. И знаете, я после этого японскую технику очень сильно уважать стал. Не поверите, работают как заведенные. Чего им ребята в носилки только не подкладывали. Правда, к перекурам нашим никак не привыкнут. Но стопарик машинного масла после работы уже пропустить могут для смазки микросхем. К тому же к беседе это располагает, а нам ведь про Японию все узнать хочется. Да и бригада им наша понравилась. Говорят, у них в стране Восходящего Солнца таких роботов, как мы, с огнем не сыщешь.

А вчера я снова управляющего видел. Так ему сразу и сказал:

– Мы можем двух своих роботов – Ватрушкина и Кузьева – по обмену опытом в Японию послать. И стыдно не будет.

– Вот закончите объект – там посмотрим, – обнадежил меня товарищ Мостовой. – А как новички?

– Нормально, – говорю, – мы с ними в духе перестройки на человеческий фактор нажимаем в общении. Вообще, толковые ребята.

– Значит, не ошиблись мы в тебе, Распекухин, молодец, – пожал мне руку управляющий. – Обязательно подумаем над твоим предложением по обмену роботами.

Словом, мы с начальником понимаем друг друга с полуслова, а это – главное.

1987 г.

Специалист

Этот паренек зашел в помещение нашего сапожного кооператива настолько незаметно, что мы поначалу даже не обратили на него никакого внимания. Ясное дело: каждый занят своим делом, куда уж тут по сторонам глазеть. А паренек зашел и стоит себе спокойно в сторонке, ждет, пока мы на него все-таки посмотрим.

Он бы так и день простоял, если бы вскоре после него к нам не зашел председатель нашего кооператива Кабусякин. Зашел и наткнулся на паренька.

– Что ты, мальчик, здесь делаешь? – спросил его председатель.

– На работу пришел устраиваться, – тихо, но очень уверенно ответил паренек. – Фамилия моя Купонов. Все говорят, что вы деньги лопатой гребете. Вот и я решил возле вас немного погрести.

Мы, конечно, посмеялись нехило.

– Шел бы ты, сынок, отсюда со своей лопатой, пока не получил по шее, – отсмеявшись, посоветовал ему ласково Кабусякин и, посмотрев на нас, сказал уже совершенно серьезно. – Трудные времена идут, ребята. Хотят нас новыми налогами свалить

Мы уставились на председателя.

– Если это шутка, то очень скверная, босс, – сказал за всех Мутантов.

– Чтоб я сдох, – ответил ему Кабусякин и показал нам папку с бумагами. – Можете сами убедиться.

– Товарищ председатель, я бы все-таки очень хотел, чтобы вы завизировали мое заявление, – потянув за рукав Кабусякина, сказал паренек. – Нужна только ваша виза. И я буду у вас работать. Конечно, за приличные деньги.

– У тебя проблемы с головой, малыш? – уже едва сдерживая себя, спросил Купонова председатель.

– Я вижу, что проблемы есть у вашего кооператива, – весьма хладнокровно ответил ему паренек. – Тем более в свете новых постановлений нашего правительства по предпринимательству. Я же готов подставить свое плечо под ваши заботы. Отныне они станут и моими.

После этих слов Купонова у нашего председателя отвисла челюсть. Но он быстро пришел в себя.

– Хорошо, – сказал Кабусякеин, взвешивая папку в своих руках.
– А что ты, собственно, умеешь делать? У тебя есть диплом, образование? Ты умеешь шить сапоги или рубашки?

– Я – специалист по визированию, – спокойно ответил паренек.

– Что? – мы все удивленно переглянулись. – Что это такое?

– Визирую документы в различных инстанциях, – сказал Купонов и показал нам красивую, дорогую папку для документов, которую нельзя было и близко ставить с той, которую держал в руках Кабусякин.

– Могу часами спокойно сидеть в любых приемных и дожидаться руководителей самого высокого ранга, – продолжал паренек. – Не уйду до тех пор, пока все нужные мне бумаги не будут подписаны.

– Слушай, давай отсюда в натуре, а то ведь не посмотрим и на молодость, – рявкнул со своего рабочего места Мутантов. – Сейчас каблуком голову прошибу.

– Оскорбления, угрозы в адрес просителей-кооператоров, да и сами физические расправы над ними – печальный, к сожалению, элемент моей профессии, – грустно парировал Купонов. – Но я и к этому готов.

Он расстегнул пиджак, и мы увидели под ним небольшой, но профессионально подобранный и аккуратно уложенный арсенал для

ведения многодневной круговой самообороны. Затем снял ботинок и показал всем нам устройство его подошвы:

– В нужный момент могу намертво приклеиваться к полу. Так что удалить меня из кабинета любого начальника практически невозможно. А живым я им не дамся.

Кабусякин со знанием дела осмотрел ботинок.

– Хорошая работа, – с нескрываемым восхищением сказал он и, немного подумав, добавил. – А дело толковое подсказываешь. Нам, действительно, столько документов надо завизировать сейчас, а еще это новое постановление. Может и жизни не хватить на все кабинеты.

– Вот и я говорю, зачем сапожнику печь пироги, пусть занимается сапогами, – тут же вставил свой пятак Купонов и протянул нашему председателю заявление о приеме на работу. – Ставьте визу! Сопrotивляться бесполезно!

– Похоже, что ты, дружок, нам подходишь, – почесал затылок Кабусякин и расписался на заявлении. – Видно, без таких специалистов, как ты, сегодня честному предпринимателю действительно не обойтись.

1992 г.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum

